

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)
Юридический институт
Кафедра «Уголовное и уголовно-исполнительное право, криминология»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
заведующий кафедрой,
к.ю.н., доцент

_____ И.М. Беляева
_____ 2017 г.

Виктимология и её развитие

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ФГАОУ ВО «ЮУрГУ» (НИУ) – 40.03.01.2017.086ВКР

Руководитель работы,
к.ю.н., доцент кафедры
_____ Е.В.Евстратенко
_____ 2017 г.

Автор работы,
Студент группы Ю-455
_____ Н.С.Васюкова
_____ 2017 г.

Нормоконтролер, преподаватель
_____ Д.В. Бирюкова
_____ 2017 г.

Челябинск 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВИКТИМОЛОГИИ	
1.1 Понятие криминальной виктимологии.....	8
1.2 Вопросы развития и задач криминальной виктимологии.....	21
2 ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ	
2.1 Виктимологическая характеристика жертв внутрисемейных насильственных преступлений.....	34
2.2 Анализ взаимосвязи «преступник-жертва».....	45
2.3 Ситуационный фактор в процессе виктимизации личности в семье..	52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	62
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	65

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. За социальные, экономические, психологические и иные преобразования нашего общества в последнее время, помимо определенных положительных результатов, имели и значительные негативные последствия, в числе которых резкое обострение криминогенной ситуации. В условиях всеобщего стресса, деморализации общества, значительных материальных трудностей и общего ужесточения нравов, насилие приобрело характер обыденного и весьма распространенного явления. О данном обстоятельстве свидетельствуют количественные и особенно качественные параметры насильственной преступности, а также общий рост ее интенсивности и тяжести последствий, которые и определяют значимость исследования проблемы половой преступности и борьбы с такими наиболее тяжкими ее составляющими, как изнасилование.

При этом уровень данного вида преступности в различных регионах страны имеет свою специфику, что и определяет необходимость проведения регионального исследования рассматриваемого вида преступности

Проблема насилия в настоящий момент имеет сложный многоплановый характер и требует комплексного подхода к ее решению. Соответственно необходима разработка эффективной системы мер предупреждения насильственной преступности. В этом плане важность исследования виктимологического аспекта данного вида преступности, как одного из основных резервов совершенствования профилактической деятельности, очевидна.

В последнее время появилось значительное количество исследований, посвященных виктимологическому анализу преступности, однако это направление не разрабатывалось на региональном уровне. Вместе с тем проблема виктимизации от насильственной преступности весьма актуальна и правильное ее решение в совокупности с другими социальными задачами будет способствовать повышению эффективности противодействия данному виду преступности. Все вышесказанное и определяет актуальность

исследуемой проблемы, которая, как представляется, имеет теоретическое и практическое значение.

Объектом научного исследования является сущность криминологической виктимологии и возможности виктимологической профилактики в современных условиях.

Предмет исследования — феномен потерпевшего в механизме преступного события, закономерности его поведения, особенности характера и взаимосвязь с лицом, совершившим преступление.

Целью исследования является разработка криминологической виктимологии как частной криминологической теории, изучение основных направлений использования виктимологических знаний в криминологии, выявление и систематизация факторов, влияющих на уровень виктимности населения.

Поставленная цель конкретизирована решением ряда исследовательских задач, а именно:

- 1) сформулировать определение криминологической виктимологии;
- 2) выявить взаимосвязи криминологической виктимологии с уголовным правом и процессом;
- 3) изучить опыт зарубежных стран по обеспечению безопасности и реабилитации потерпевших с разработкой рекомендаций по совершенствованию российского уголовно-процессуального законодательства;
- 4) обобщить и дополнить рекомендации по привлечению потерпевшего к участию в следственных действиях;

1 ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВИКТИМОЛОГИИ

1.1 Понятие криминальной виктимологии

Одним из центральных понятий виктимологии, вокруг которого до сих пор не стихают споры, является понятие «виктимность».

Термин «виктимность» введен в научный оборот Л.В. Франком, однако понятие виктимности различными исследователями толкуется неоднозначно, до сих пор нет общепринятой и общепризнанной интерпретации его содержания. По мнению Л.В. Франка, виктимность отдельного лица есть не что иное, как «...реализованная преступным актом «предрасположенность», вернее, способность стать при определенных обстоятельствах жертвой преступления или, другими словами, неспособность избежать опасности там, где она объективно была предотвратима...»¹. Как видно из этого определения, ученый рассматривает индивидуальную виктимность как реализованную преступным актом предрасположенность или способность. Однако в дальнейшем он изменил свою позицию, признав, что индивидуальная виктимность – это не только реализованная, но и потенциальная «способность» тех или иных лиц стать потерпевшими от преступления. В работе, написанной в соавторстве с С.С. Остроумовым, Л.В. Франк отмечает, что виктимность понимается ими как «повышенная способность в силу ряда субъективных и объективных обстоятельств становиться «мишенью» для преступных посягательств».²

В.И. Полубинский, критикуя определение виктимности, предложенное Л.В. Франком, приходит к выводу о том, «что при определении виктимности конкретного человека речь должна идти не о всякой его повышенной способности становиться жертвой преступления, а лишь о такой, которая

¹ Франк Л. В. Виктимология и виктимность. – Душанбе, 1972 – С. 22.

² Остроумов С.С., Франк Л.В. О виктимологии и виктимности // Советское государство и право. – 1976. – № 4. – С. 75.

непосредственно связана с какими-либо особенностями личности и поведения пострадавшего или с его специфическими взаимоотношениями с причинителем вреда» и определяет индивидуальную виктимность как «свойство данного человека, обусловленное его социальными, психологическими или биофизическими качествами (либо их совокупностью), способствующее в определенной жизненной ситуации формированию условий, при которых возникает возможность причинения ему вреда противоправными действиями».¹

В.П. Коновалов понимает под виктимностью повышенную способность человека, семьи или другой малой формальной группы в силу своей определенной социальной роли или совокупности ряда духовных и физических свойств при определенных объективных обстоятельствах становиться жертвой преступления². Близкую к этому определению дефиницию предлагают Г.В. Антонов-Романовский и А.А. Лютов, которые, однако, возводят виктимность в разряд поведенческих характеристик, а не личностных свойств. «Виктимность поведения состоит в том, что лицо в определенных ситуациях своими действиями подвергает себя опасности стать жертвой преступления. Причем виктимными являются только те действия, которые отличаются от обычного поведения большинства жертв преступлений в сходных ситуациях. Эта необычность действия повышает вероятность совершения преступления именно в отношении лиц, допускающих виктимные поступки».³

Л.В. Ильина определяет виктимность как «особое свойство пострадавшего от преступления лица (в аспекте криминальной

¹ Полубинский В. Когда виноват пострадавший // Человек и закон. – 2011. – №9. – С.80.

² Коновалов В.П. Виктимизация от преступности и ее статистическое выражение: автореф. дисс. ... канд. юрид. –М., 1979. – С. 14

³ Антонов-Романовский Г.В., Лютов А.А. Виктимность и нравственность // Вопросы борьбы с преступностью: сб. трудов. Вып. 33. – М., 1980. – С. 43.

виктимологии), состоящее в его предрасположенности, способности стать при определенных обстоятельствах жертвой преступления».¹

В.Я. Рыбальская приходит к выводу о том, что «виктимность есть личностная характеристика, означающая повышенную «способность», известную предрасположенность человека стать жертвой преступного посягательства»,² и предлагает различать: а) виктимность как совокупность социально-психологических свойств личности, связанных с особенностями социализации последней (виктимогенная деформация личности); б) «профессиональную», или «ролевую», виктимность как исключительно социальное, «безличное» свойство, связанное с выполнением некоторых социальных функций (сторож, работник милиции, инкассатор); в) «возрастную» виктимность как биофизиологическое свойство личности (престарелый или малолетний возраст); г) «виктимность-патологию» как следствие патологического состояния личности (психическая болезнь, физический недуг и т.д.). Она подчеркивает, что в реальной жизни указанные разновидности нередко сопутствуют или «накладываются» друг на друга.³

Более того, В.Я. Рыбальская приходит к выводу, что виктимность присуща не всем потерпевшим, а ее содержательная характеристика раскрывается только через совокупность отношений, образующих структуру виктимизации. В связи с этим она выделяет понятие псевдовиктимности, которой называет ошибочно приписываемые посягателем жертве качества (личностные или ролевые), послужившие поводом к посягательству.⁴

По-иному определяет виктимность В.С. Минская. Она полагает, что о «предрасположенности» личности к совершению в отношении нее

¹ Ильина Л.В. Уголовно-процессуальное значение виктимологии // Правоведение. – 1975. – №3. – С. 119.

² Рыбальская В.Я. Виктимологические исследования в системе криминологической разработки проблем профилактики преступлений несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью: сб. трудов. Вып. 33. – М., 1980. – С. 33.

³ Рыбальская В.Я. Виктимологические проблемы преступности несовершеннолетних. – Иркутск, 1983. – С. 30.

⁴ Рыбальская В.Я. Виктимологические проблемы преступности несовершеннолетних: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 1984. – С. 16.

преступления можно говорить тогда, когда ее «поведение вписывается в событие преступления и несет в себе заряд криминогенности».¹

К.А. Лобов, проанализировав существующие в литературе высказывания относительно определения виктимности, пришел, по существу, к компилятивному выводу: «виктимность – это объективно присущая человеку, но не врожденная, индивидуальная или относительно массовая, личностная или ситуативная, потенциальная или реализованная способность стать жертвой преступления».²

Наиболее глубоким по содержанию, является определение Д.В. Ривмана, который под виктимностью понимает «объективно присущую человеку (реализованную преступным актом или оставшуюся в потенции), но отнюдь не фатальную способность, «предрасположенность» стать при определенных обстоятельствах жертвой преступления... либо неспособность противостоять преступнику, определенную совокупность факторов, делающих эту неспособность объективной (не зависящей от жертвы) или оставляющих ее на уровне субъективного «нежелания или неумения»».³ Данное определение виктимности имеет ряд отличий от представленных выше, хотя и появилось в литературе значительно раньше других, за исключением определения Л.В. Франка. Во-первых, «предрасположенность» стать жертвой преступления может реализоваться, а также остаться в потенции. Это отличие не является принципиальным, поскольку относится лишь к определению виктимности, предложенному впервые Л.В. Франком, который впоследствии учел высказанное по этому поводу критическое замечание и изменил свою позицию. Во-вторых, виктимность отдельного лица не приобретает им в результате его негативного поведения или выполнения социальной роли, связанной с опасностью, то есть от какой-то «точки отсчета» («от нуля», по

¹ Минская В.С. Уголовно-правовой и нравственно-психологический аспекты виктимологии // Советское государство и право. – 1985. – № 7–. С. 81.

² Лобов К.А. Криминальная виктимология: лекция / под ред. Г. М. Меретукова. – Краснодар, 1998. – С. 15.

³ Ривман Д.В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. – С. 14.

Л.В. Франку) или конкретного уровня, а возникает одновременно с рождением человека. «Индивид ... не может быть не виктимным, – пишет Д.В. Ривман, – так как существует в обществе, где пока не ликвидирована преступность, а следовательно, и объективная возможность оказаться жертвой преступления»¹, независимо от возраста, пола, социального положения, поведения и т.д. Таким образом, Д.В. Ривман, вполне оправданно утверждает, и с этим нельзя не согласиться, что виктимность как всегда присущее человеку свойство не возникает «на ровном месте», а может лишь повышаться или понижаться либо находиться на «среднем» уровне.

Вызывает возражение критическая оценка В.И. Полубинского относительно того, что виктимность присуща любому человеку, члену «общества с преступностью». Приводимое им сравнение с тем, что все люди в таком случае больны раком, так как еще не ликвидированы раковые заболевания, не имеет никакого отношения к виктимности. Виктимность – это способность, «предрасположенность», отнюдь не фатальная. Утверждать, что все люди больны раком, так как не ликвидированы раковые заболевания, нельзя хотя бы потому, что в данном утверждении прослеживается элемент фатальности, обреченности. Было бы правильнее сказать: любой гражданин может заболеть раком (гриппом, ангиной и т. д.), но не потому, что данная болезнь известна медицине, а поскольку она реально существует в природе.

Приведенные выше позиции известных виктимологов свидетельствуют о том, что единого понимания виктимности нет. Однако, можно утверждать о том, что ближе других к истине определение Д. В. Ривмана, поскольку в реальной жизни определить, какой из индивидов неизбежно станет жертвой того или иного преступления, действительно трудно до тех пор, пока это преступление не будет фактически совершено, то есть теоретически каждый может подвергнуться преступному посягательству. Поэтому нельзя говорить о виктимности только как о реализованном качестве, поскольку тогда каждое

¹ Ривман Д.В. О содержании понятия «виктимность» // Вопросы теории и практики борьбы с преступностью: сб. трудов. – Л., 1974. – С. 25.

лицо, не пострадавшее от преступления, должно быть признано невиктимным, то есть непредрасположенным к совершению в отношении него преступления, что представляется малоубедительным.

В современной литературе по виктимологической тематике появляются новые понятия и категории, такие как «виктимность компьютеров»¹, под которой понимается способность компьютеров в силу своих технических, потребительских свойств быть виктимными; «неподозреваемая виктимность»², иногда обнаруживаемая в особых манерах жертвы, в ее эстетическом виде, которые могли стать стимулом для преступника. Не возможно не согласиться с введением в научный оборот указанных понятий по следующим соображениям. Во-первых, виктимность – это сугубо личностное свойство, присущее только человеку, индивиду. Представляется излишним рассмотрение уязвимости компьютеров в силу их технических свойств, поскольку в таком случае можно говорить и о «виктимности автомобилей», оставленных на ночь без охранной сигнализации на улицах, и о виктимности иных вещей (бытовой техники, произведений искусств и т. д.), которые уже в силу своей материальной ценности являются «притягательными» для преступников. В данном случае речь должна идти о виктимности собственников этих материальных вещей, а указание на уязвимость самих этих вещей с точки зрения виктимологии бессмысленно. Это объясняется тем, что виктимологическая профилактика так или иначе будет направлена именно на лиц, обладающих различного рода материальными ценностями, и меры по сохранности своего имущества будут предпринимать его владельцы, а не сами «вещи», что абсурдно. Во-вторых, «неподозреваемой виктимности» быть не может, она всегда очевидна, поскольку человек не может быть невиктимным и эта способность или свойство личности врожденное. В данном случае речь должна идти о

¹ Бессонов В.А. Виктимологические аспекты предупреждения преступлений в сфере компьютерной информации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – С. 20.

² Гаджиева А.А. Виктимология и ее роль в профилактике преступлений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – С. 18.

повышенном состоянии факторов уязвимости от того или иного преступления. Особые манеры, которые выделяет А.А. Гаджиева, не проявляют «неподозреваемой виктимности», а выступают в качестве виктимных потенций.

Таким образом, изначально виктимность – это врожденное, сугубо личностное свойство.

Наряду с индивидуальной виктимностью, виктимология оперирует понятиями групповой, видовой и массовой виктимности.

Если индивидуальная виктимность – это свойство, присущее отдельной личности, то «виктимность групповая» заключается в общей для определенных категорий или групп людей, обладающих сходными биофизическими, психологическими, социальными, демографическими и другими качествами, способности или предрасположенности становиться жертвами преступлений.

Критерии включения людей в «группы риска» различны. Так, например, по социальному статусу групповая виктимность может выглядеть следующим образом. Повышенной способностью становиться жертвами преступлений обладают лица, которые в силу своего служебного положения обязаны вмешиваться в опасные ситуации или располагают большими денежными суммами или материальными ценностями (работники милиции, кассиры, инкассаторы, сторожа и т. д.). В современном обществе в «группу риска» входят бизнесмены и предприниматели. «Это обусловлено не столько материальным благосостоянием бизнесмена (что было распространено в период «дикого» рэкета, до того, как он приобрел цивилизованный вид), сколько его участием в сомнительных или откровенно криминальных «проектах», нарушением им взятых на себя обязательств».¹ Иными словами, сам факт занятия людей определенной деятельностью или профессией,

¹ Чефходзе Р.Г. Виктимность предпринимателей как криминологическая проблема // Актуальные проблемы общественной безопасности: тезисы конференции 24-27 сентября 1996 г. – Иркутск, 1996. – С. 24.

связанной с риском, предопределяет их повышенную способность оказаться в качестве жертвы преступного посягательства.

Национальная или расовая принадлежность может выступать критерием «объединения» людей, обладающих повышенной виктимностью. Так, например, для г. Иркутска и Иркутской области характерно, что повышенной способностью становятся жертвами самых различных преступных посягательств обладают китайцы, а также представители других азиатских национальностей, ведущие в данной местности бурную торговую деятельность.

«Видовая виктимность», в отличие от групповой, выражается в относительной «предрасположенности» отдельных людей становиться жертвами определенных видов преступлений. Критерии формирования таких «групп риска» также весьма разнообразны. По половому признаку, например, женщины более подвержены риску совершения в отношении них преступлений сексуального характера (изнасилование) или, скажем, незаконного производства аборта.

Такие качества личности, как не критичность и излишняя доверчивость, любопытство, скупость, стремление получить материальную выгоду легким путем, повышают их вероятность стать жертвами мошенничества. Терпят ущерб в результате краж личного имущества из квартир, а также карманных краж граждане, отличающиеся беспечностью по отношению к своей собственности, неразборчивостью в связях, излишней болтливостью.

Жертвами разбойных нападений и грабежей становятся, как правило, лица, употребляющие спиртные напитки в чрезмерных количествах, демонстрирующие свои материальные ценности, посещающие в темное время суток наиболее криминогенные места (парки, скверы и др.).

Отличие видовой и групповой виктимности относительно, поскольку в первом случае происходит выделение и объединение виктимных потенциалов, способных реализоваться в конкретных преступлениях, в то время как при групповой виктимности даже аналогичные потенциалы могут реализоваться в

различных преступлениях. Например, если у гражданина, находящегося в нетрезвом состоянии, наблюдается повышенная вероятность оказаться жертвой умышленного причинения телесных повреждений, это отнюдь не означает, что он не предрасположен к совершению в отношении него кражи. Выделение людей, схожих по параметрам виктимности, имеет профилактической целью информирование таких лиц о возможности совершения в отношении них определенного круга преступлений, а также разработку мер, направленных на нейтрализацию этих виктимных потенций.

Видовая виктимность рассматривается в виктимологии как объектно-видовая и субъектно-видовая. Объектно-видовая виктимность определяет предпосылку и следствие различных видов преступлений, в то время как субъектно-видовая – предпосылку и следствие преступлений, совершаемых различными категориями преступников.

В связи с этим исследование именно видовой виктимности имеет большое практическое значение в плане разработки мер защиты лиц от преступных посягательств. Сущность такого исследования заключается в выделении виктимных потенций (определенных качеств личности, особенностей поведения) и последующей их группировки относительно наибольшей вероятности реализоваться в преступлениях того или иного вида. Так, еще в 1971-1973 годы Д.В. Ривман провел исследование личности и поведения потерпевших от различных преступлений (умышленного убийства, изнасилования, мошенничества и др.),¹ которое вполне может служить отправной точкой в исследованиях такого рода.

Большой интерес представляет рассмотрение вопроса о «массовой» виктимности. Первоначально следует заметить, что люди, обладающие аналогичными, сходными или, наоборот, различными морально-психологическими, биопсихическими и социальными качествами, определяющими степень их уязвимости от преступлений, составляют,

¹ Ривман Д.В. Некоторые вопросы изучения личности и поведения потерпевшего от преступления // Преступность и ее предупреждение: сб. трудов. – Л., 1971. – С. 71-94.

подобно обществу, определенную группу, массу, в которой каждое отдельное лицо, обладающее индивидуальной «предрасположенностью», выступает в качестве элемента совокупности. Таким образом, помимо виктимности индивидуальной, существует и виктимность массовая.

В.П. Коновалов, например, понимает под массовой виктимностью социально-психологический феномен, который проявляется в форме наличия в общем контингенте жертв преступлений относительно устойчивой доли субъектов виктимизации, ставших жертвами преступных действий в силу исполняемой ими социальной роли или в результате «содействия» собственной виктимизации.¹ По мнению В.И. Полубинского, массовая виктимность – это объективно существующая реальная возможность для определенной части людей в силу их субъективных качеств нести физический, моральный и материальный ущерб от преступлений.²

Перечень существующих в науке и в чем-то сходных между собой понятий массовой виктимности можно было бы продолжить, однако необходимо указать на то, что массовая виктимность, подобно преступности, рассматривается в двух аспектах. Во-первых, она представляет собой простую сумму актов индивидуальной виктимности, во-вторых, – сложное социальное явление, связанное с преступностью. Рассматривая массовую виктимность как совокупность актов индивидуальной виктимности, нельзя не отметить, что в ряде случаев индивидуальная виктимность отдельных лиц может реализоваться, а может остаться в потенции, подобно тому, как и отдельно взятое преступление может совершиться, а может и не совершиться. Но для массовой виктимности, как и для преступности, такой элемент «случайности» не только не характерен, он просто-напросто исключается, поскольку «виктимность массовая – это, в конечном счете, всегда виктимность реализованная, так как виктимные предрасположения и предпосылки массы индивидов, для большинства остающиеся в потенции,

¹ Коновалов В.Л. Виктимизация от преступности и ее статистическое выражение. – С. 14.

² Полубинский В.И. Правовые основы учения о жертве преступления. – С. 36.

вместе с тем закономерно реализуются для некоторой части этих индивидов».¹ Более того, закономерности, определяющие индивидуальную виктимность, и закономерности, лежащие в основе массовой виктимности, различны, подобно тому, как различны закономерности, лежащие в основе отдельных преступлений и преступности в целом.

Таким образом, массовая виктимность представляет собой социальное явление, закономерное, как и преступность, и находящееся в прямой зависимости от преступности. Чем выше уровень преступности в обществе, тем выше показатели массовой виктимности и тем выше, соответственно, вероятности реализации «индивидуальных виктимностей», и наоборот, в обществе, где ликвидирована преступность или сведена к минимуму, массовая виктимность не существует либо «понижена». Из этого следует, что массовая виктимность производна от преступности, то есть причиной массовой виктимности является преступность. Это одна сторона взаимосвязи двух социальных явлений. Данную точку зрения критически оценивает В.И. Полубинский. Соглашаясь с тем, что виктимность проявляется через преступность, ученый отрицает производность первого явления от второго, аргументируя это тем, что преступность вызывается социальными причинами, в то время как причины виктимности коренятся не только в социальных, но также в психологических и биофизических свойствах личности.² Не возможно согласиться с мнением В.И. Полубинского хотя бы потому, что преступность детерминирована не только социальными явлениями и процессами, а совокупностью множества факторов, в том числе обусловленных психологическими и биофизическими свойствами личности.

Другая сторона взаимообусловленности массовой виктимности и преступности проявляется в том, что некоторые элементы виктимности находят свое место в ряду причин и условий преступности, поскольку

¹ Ривман Д.В. Виктимность как социальное явление // Вопросы профилактики преступлений: сб. трудов. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1976. – С. 111-120; Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. – СПб., 2000. – С. 49.

² Полубинский В.И. Правовые основы учения о жертве преступления. – С. 34.

виктимность, наряду с другими детерминантами, обеспечивает существование преступности, определяет возможность совершения преступлений, следствием которых является причинение морального, физического или имущественного вреда. Иными словами, виктимность и преступность – два взаимосвязанных и взаимообусловленных социальных явления, каждое из которых существует благодаря существованию другого.

Массовая виктимность включает в себя три компонента:

1. Личностный, выражающийся в совокупности виктимных потенциалов отдельных граждан и определенных групп.
2. Поведенческий, выражающийся в совокупности актов поведения, опасного для действующих индивидов.
3. Виктимизационный, характеризующий совокупность актов причинения вреда и реальных жертв преступлений. Следует заметить, что виктимизационный компонент включает в себя не только ставшие известными правоохранительным органам факты виктимизации и жертвы преступлений, но и латентные преступные акты (а в данном случае как их выражение – латентные факты виктимизации) и собственно латентные жертвы.

Таким образом, массовая виктимность – это социальное, исторически изменчивое явление, взаимообусловленное и взаимосвязанное с преступностью, выражающееся в совокупности виктимогенных потенциалов отдельных граждан и их групп, актов поведения, опасного для действующих индивидов, а также в совокупности актов причинения вреда на определенной территории и за определенный период времени.

Массовая виктимность (как и преступность) характеризуется состоянием, структурой, уровнем и динамикой.

Состояние виктимности выражается в количественных показателях (абсолютных цифрах) числа преступлений, повлекших причинение вреда, а также числа жертв этих преступлений. О состоянии виктимности судят по ее уровню и структуре.

Уровень виктимности (или коэффициент) выражает отношение количества жертв преступлений и общего количества населения за определенный период времени и на определенной территории в расчете на одну тысячу (десять тысяч, сто тысяч) человек. Уровень виктимности может быть рассчитан не только «в общем», но и для определенных категорий граждан (по половозрастным характеристикам, социальному статусу и т. д.), а также по отдельным видам преступлений.

Качественную сторону виктимности можно характеризовать по ее структуре. Структура виктимности строится по различным признакам: а) по полу, возрасту, социальному статусу, образованию и другим параметрам (в том числе и материальному выражению ущерба), характеризующим жертв преступлений; б) по параметрам, характеризующим лиц, совершивших преступления, – пол, возраст, образование, наличие судимостей и т. д.; в) по параметрам, относящимся к преступным деяниям, – как правило, это виды и категории преступлений. В любом случае структура виктимности отражает удельный вес жертв (по различным параметрам) общего числа преступлений или их отдельных видов. Иными словами, этот показатель дает возможность судить не только о количественной, но и о качественной стороне виктимности.

Показателем, отражающим изменение состояния, уровня или структуры виктимности, является ее динамика. С помощью динамики виктимности можно установить тенденции ее роста или спада за определенный период времени и на определенной территории. Однако выяснение объективной динамики виктимности представляется затруднительным, поскольку таким образом можно проследить лишь ее виктимизационный компонент, изменение которого напрямую зависит от изменений преступности. Но поскольку виктимность – не только реализованная, но еще и потенциальная способность, можно констатировать, что это ее свойство (и в таком случае

сама виктимность) «изменяется «раньше» преступности, и уже это влечет изменения в последней».¹

Таким образом, социальная сущность явления виктимности заключается в том, что реализованная виктимность напрямую связана с преступностью и является ее следствием, в то время как виктимность потенциальная изменяется в зависимости от воздействия социальных условий на уровне макросреды, а также социальной сферы отдельных личностей.

1.2 Вопросы развития и задач криминальной виктимологии

История любой научной доктрины, будь то область естественных наук или гуманитарных – всегда история идей, взглядов, понятий, отражающих материальный мир в сознании людей. История криминальной виктимологии – учения о жертве преступления – не представляет в этом отношении исключения. Однако как это не покажется странным, истоки проблемы пострадавшего восходят не к открытиям юристов, психологов, социологов, других ученых мужей, а к устному народному творчеству, к мифам и легендам, а в более поздние времена – к художественной литературе. Задолго до того, как пострадавший от преступления и его роль в различных жизненных ситуациях заинтересовали специалистов, художественный гений народа остановил свое внимание на данной проблеме. Исторически это вполне объяснимо.

Известно, что в догосударственном обществе и на ранних стадиях развития государственности, объективно впитавших в себя многие установления обычного права, фольклор играл важную роль в формировании всех аспектов общественного сознания. В том числе и по отношению к людям, несущим физический, моральный или материальный ущерб от действий других лиц. Наряду с иными, продиктованными жизнью проблемами, фольклор, художественное творчество народа оказало влияние

¹ Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. – С. 54.

на формирование общественных взглядов прошлых эпох не только на личность причинителя вреда, его деяние, но и на личность пострадавшего.

Рассказы о неудачниках, несущих какой-либо ущерб от своих неумелых действий, нескладного поведения или от действий других людей – не плод досужих вымыслов кабинетных острословов, а более или менее точный пересказ конкретных жизненных ситуаций. Пусть приукрашенных, в чем-то домысленных, но в основе своей всегда опирающихся на факты из действительной жизни.

Люди, которые в результате неудачно складывающихся обстоятельств, определенных личностных качеств или свойств характера, несли физический, моральный или материальный ущерб, исстари привлекали к себе внимание окружающих. Знакомство с источниками художественного творчества, в той или иной мере повествующими о потерпевших, убеждают, насколько глубоко и точно подмечены в фольклоре и литературе многие особенности поведения жертвы, ее специфических взаимоотношений с правонарушителем и целый ряд других идей, весьма важных для общих и частных аспектов учения о жертве.

Наука и практика с давних пор предпринимали многочисленные, непрекращающиеся и по настоящее время попытки раскрыть механизм преступления, проникнуть в суть зарождения и развития противоправного деяния. Теоретическая мысль по проблемам преступности постоянно эволюционировала и прошла в своем развитии несколько этапов, вызвав к жизни множество различных, подчас взаимоисключающих друг друга, научных школ и направлений.

Издавна и довольно четко с учетом интересов господствующих классов было сформулировано определение преступного деяния и дана его классификация по составам преступления. Ученые-юристы и практики не обошли своим внимание и «главный элемент» преступления – правонарушителя. Однако жертва противоправного акта, как отмечалось

выше, длительное время ни научного, ни практического интереса у них не вызывала.

Объяснялось это тем, что потерпевший, законные права и интересы которого нарушены в результате совершенного преступления, рассматривался раньше, да и сейчас нередко рассматривается лишь с эмоциональных позиций. На бытовом уровне, в житейском плане в сознании подавляющего большинства людей жертва преступления считается пострадавшей стороной, ассоциируется с личностью, страдающей от неправомерного поведения других лиц, или, что бывает гораздо реже, от собственных неумелых, неосторожных, необдуманных действий. По-житейски здесь все просто: раз кто-то пострадал, значит этот «кто-то» – жертва, а причинивший ему вред – преступник. Но почему именно этому гражданину причинены телесные повреждения или именно его обвел вокруг пальца ловкий мошенник или именно в его карман опустилась рука вора – над подобными вопросами в повседневной жизни окружающие пострадавшего, как правило, не задумываются. Ибо, согласно требованиям общепризнанного «здорового смысла», преступник и его жертва – фигуры полярно несовместимые, диаметрально противоположные, как, к примеру, волк и ягненок, тьма и свет.

Подобный эмоционально-бытовой взгляд на жертву преступления накладывал отпечаток и на теоретические концепции правоведов прошлого, в частности, на учение о наказании за правонарушение. Представители классической школы права во главу угла ставили сам преступный акт. Правонарушитель и, тем более, потерпевший, их интересовали лишь как производные от преступного деяния. Исходя из такой посылки, представители классической школы права проповедовали, что наказание должно определяться исключительно в зависимости от размеров причиненного преступлением вреда. Вольно или невольно над их теоретической концепцией довлел обычай талиона, восходивший еще к первобытному обществу и требовавший нанесения виновному вреда,

эквивалентного тому, который он причинил пострадавшему, по принципу «око за око, зуб за зуб».

Безусловно, и во времена господства классической школы права при рассмотрении каждого конкретного преступления для суда было совсем не безразлично, кто выступает перед ним в роли виновной и потерпевшей стороны – феодал, горожанин или крепостной крестьянин. Классовые интересы эксплуататоров блюлись судами во все времена строго.

Потребовались годы и столетия, смена социальных эпох, чтобы возмездие в наказании уступило место подлинно гуманному принципу исправления и перевоспитания виновных и предупреждения новых преступлений. Этот принцип основан на большом историческом опыте. Человечество прошло и через обычай талиона, и через теорию и практику возмездия преступнику и устрашения других, однако коренного воздействия на сокращение правонарушений они не оказали.

Еще К. Маркс в этой связи подчеркивал, что история и такая наука как статистика с достаточной убедительностью показали, что «...со времен Каина никого не удалось исправить или утешить наказанием...»¹. Наоборот, в те времена и в тех странах, отмечал итальянский просветитель XVIII века Ч. Баккария, где были наиболее жестокие наказания, совершались и наиболее кровавые и бесчеловечные преступления, ибо тот же дух зверства, который водил рукой законодателя, управлял рукой отцеубийцы и разбойника.

В XIX веке в корне отличную от сторонников классической школы точку зрения на оценку преступления выдвинули представители новой теории буржуазного права – позитивистской. Все ее направления – будь то антропологическое (Ч. Ломброзо), либо социологическое (Э. Ферри), либо психоаналитическое (З. Фрейд) или их разновидности – основное внимание сосредотачивают на личности преступника. По утверждению позитивистов, только правонарушитель, его свойства и порочные наклонности приводят к

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8. – М., 1982. – С. 530.

тому, что преступление совершается. Поэтому преступник, по их мнению, единственный конкретный носитель зла, становится основным объектом изучения позитивистской школы права. Потерпевший же и у них остался вне поля зрения.

В зарубежной литературе были предприняты даже попытки теоретически обосновать недостаточное внимание к жертве преступления как в прошлом, так и в настоящее время. Например, Б. Мендельсон на вопрос: почему общество занимается только преступником на всех стадиях его «эволюции» – в период профилактики, во время следствия и суда, в период отбытия им наказания, поддерживает контакт с его семьей, занимается его перевоспитанием после освобождения – дает ответ: потому что преступник опасен для общества. И поясняет: «Правонарушитель не спрашивает. Он берет без права на то и без зазрения совести. Общество страшится правонарушителя.... Что же касается жертвы преступления, – развивает свою мысль автор далее, – то общество ее игнорирует, потому что она безопасна...»¹. В этом он видит основную причину того, что «...общество забывает, что в проблеме преступности имеется контрофактор, т.е. жертва преступления. Мы все прекрасно помним и знаем Джека Потрошителя, Ландрю, Капоне, но кто знает хоть что-нибудь об их жертвах?»²

В приведенном отрывке явный полемический запал автора заслоняет от него объективное положение дел. Общество всегда защищало своих членов от противоправных посягательств на них. Другое дело, что правовая наука и юридическая практика, в частности, позитивистская школа права, не уделяли жертве преступления должного внимания. Проблема преступности исследовалась односторонне, лишь с позиции правонарушителя, его личности и поведения. Но это не вина, а беда позитивистов.

Безусловна заслуга родоначальников позитивистской школы права в том, что они заложили основы криминологии. Однако ограниченность, а в основе

¹ Франк Л.В. Виктимология и виктимность. – С. 12.

² Франк Л.В. Виктимология и виктимность. – С. 12.

своей и антинаучность их взглядов и концепций не позволяли позитивистам правильно и до конца разобраться в механизме преступления, в причинах и составных элементах, понять роль и значение пострадавшего в генезисе преступления.

Со временем все, кому вплотную приходилось сталкиваться с преступной драмой и ее действующими лицами, убеждались, что во многих случаях роль жертвы в зарождении и развитии преступления весьма активна.

Этимология слова «жертва», то есть его происхождение, «родословные» отношения, а также пути его вхождения в европейские языки еще до конца лингвистами не выяснены. Специалисты высказывают предположение о том, что в Европе это слово впервые нашло употребление во французском языке и первоначально носило ритуальный характер, означая живое существо или материальный предмет, приносимые в дар богу. А происходит оно от латинского слова «виктима» – жертва. Со временем, однако, ритуальное слово «жертва» становится более широким по значению и более глубоким по смыслу понятием. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с семантическим значением этого слова в русском языке. Например, в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона слово «жертва» толкуется следующим образом: «Жертва – умиловительное или благодарственное приношение Богу от плодов земных или из царства животных... Идея Ж. проникает собою все религии как древнего, так и нового мира, но формы ее разнообразны до бесконечности».¹ В словаре В. Даля дается более «земное» толкование этого слова. Здесь жертва определяется как «пожираемое, уничтожаемое, гибнущее: что отдаю или чего лишаюсь невозвратно. Приношение от усердия божеству: животных, плодов или иного чего... Отречение от выгод или утех своих по долгу или в чью пользу: самоотвержения и самый предмет его, то, чего лишаюсь. Пострадавший от чего-либо есть жертва причин этих. Один

¹ Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 11. – Л., 1984. – С. 267.

бывает невинною жертвой злонамеренности, другой же необузданности своей. Приносить жертву долгу, отечеству, признательности...».¹

Еще более широкое толкование слова «жертва» дается в словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова. В этом издании жертва определяется следующим образом: «1. В древних религиях – приносимый в дар божееству предмет или живое существо... 2. Дар, пожертвование на что-нибудь... 3. Добровольный отказ, отречение в пользу кого-, чего-нибудь... 4. Человек, подвергшийся чьему-нибудь насилью, злему умыслу, пострадавший от кого-, чего-нибудь. 5. ...Человек, пострадавший или погибший от какого-нибудь несчастья, неудачи. Пример: он стал жертвой обстоятельств: пожар с человеческими жертвами; жертвы уличного движения. 6. ...Человек, пострадавший или погибший во имя чего-нибудь, вследствие преданности чему-нибудь. Пример: он пал жертвой честного отношения к делу; вы жертвою пали в борьбе роковой. 7. Принести жертву чему (книжное), делать что-нибудь во имя чего-нибудь. Пример: он принес жертву во имя дружбы. Принесли в жертву что... пожертвовать чем-нибудь...».²

И, наконец, самый популярный ныне толковый словарь русского языка, составленный С. Ожеговым, дает такое определение слова «жертва»: «1. В древних религиях: приносимый в дар божееству предмет или живое существо (убиваемое при этом), а также приношение этого дара. 2. Добровольный отказ в пользу кого-, чего-нибудь, самопожертвование. 3. О ком-, чем-нибудь, пострадавшем от насилия, от какого-нибудь несчастья, неудачи или вследствие преданности чему-нибудь. 4. Пожертвование».³

Таким образом, семантическое значение слова «жертва» весьма широко. Этим понятием охватываются отнюдь не только живые существа, а тем более человек. Анализ толкований лингвистами слова «жертва» показывает, что могут быть и вещные жертвы, и отнюдь не только в религиозном,

¹ Даль В. Словарь русского языка. Т. 1. – М., 1955. – С. 108.

² Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I. – М., 1938. – С. 188-189.

³ Словарь русского языка. – С. 160.

ритуальном понятии. В повседневном обиходе мы также встречаемся подчас с фактами распространения понятия «жертва» на вещь.

Следовательно, можно сделать вывод, что в самом широком смысле этого понятия жертвой является любая форма материи, нормальному состоянию или функционированию которой нанесен какой-либо ущерб. С этой точки зрения не имеет значения уровень организации материи – высокоразвитая она или примитивная, одушевленная или неодушевленная. Хотя совершенно очевидно, что от уровня организации материи-жертвы зависит вид вреда, который ей может быть нанесен. Неодушевленной (вещной) жертве может быть причинен лишь механический вред. Одушевленной, но не находящейся на высокой ступени организации, физический вред. Жертве же, находящейся на высшей ступени организации материи, мыслящей материи, то есть человеку, может быть причинен физический, моральный вред или материальный ущерб.

Однако нас интересует не семантическое значение слова «жертва», а социальное содержание этого понятия, ее роль и место в системе общественных связей. С этих позиций жертва без эмоциональных и иных психических восприятий вреда, с научной точки зрения – не жертва, а раненое или убитое животное, рыба, птица, поломанная или уничтоженная вещь. Только высокоразвитое, мыслящее существо, наделенное чувствами, эмоциями, а главное, сознанием, в состоянии воспринимать как личный не только уже нанесенный ущерб, но и возможный вред, дать ему оценку и в соответствии с этим соизмерять свое поведение.

Поэтому главным и преимущественным объектом учения о жертве, как в теоретическом, так и в практическом плане является человек. Правда, уголовное законодательство ряда стран устанавливает ответственность за истязание животных. Тем самым животные здесь официально признаются в качестве возможных жертв от неправомерных действий и берутся под защиту. Однако это не правило, а частное исключение из него, не оказывающее существенного влияния на научные разработки и практические

рекомендации учения о жертве на современном уровне. Понятие «жертва» означает человека, пострадавшего от: а) неправомерных действий других лиц; б) собственного ненадлежащего поведения; в) отрицательных жизненных обстоятельств; г) от частного случая.

Другими словами, жертвой в узком смысле следует считать человека, который несет физический, моральный вред или имущественный ущерб от действий других лиц, собственного поведения, событий или несчастных случаев. При этом необходимо иметь в виду, что одни и те же неправомерные действия, события, несчастные случаи в зависимости от условий, места и времени могут принести вред как отдельному человеку, так и группе людей сразу, как физическому, так и юридическому лицу.

Следует подчеркнуть, что дискуссии о содержании понятия «жертва» в правовой и социологической литературе не прекращаются уже длительное время. Не поставило точку в этих дискуссиях и определение термина «жертва», сформулированное в «Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью»¹, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 года. В ней закреплено: «Под термином «жертвы» понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные законы...» В соответствии с Декларацией «...то или иное лицо может считаться «жертвой» независимо от того, был ли установлен, арестован, предан суду или осужден правонарушитель, а также независимо от родственных отношений между правонарушителем и жертвой... Термин «жертва» в соответствующих случаях включает близких родственников или иждивенцев

¹ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью: утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г. // Советская юстиция. – 1992. – № 9-10. – С. 39.

непосредственных жертв, а также лиц, которым был причинен ущерб при попытке оказать помощь жертвам, находящимся в бедственном положении, или предотвратить виктимизацию». Правда, данный акт не раскрывает, какие же это «соответствующие случаи», при которых перечисленные категории лиц относятся к жертвам.

По социальным последствиям наносимого человеку вреда все жертвы можно подразделить на две группы: а) жертвы всевозможных несчастных случаев; б) жертвы различных видов правонарушений.

Как свидетельствует статистика, жертвами несчастных случаев ежегодно становятся в несколько раз больше людей, чем пострадавшими от преступлений. По данным статистики от различных несчастных случаев людей гибнет в несколько раз больше, чем от рук преступников, если от них общество несет огромный материальный ущерб, можно ли профилактике травматизма, борьбе с ним уделять меньше внимания, чем, скажем, профилактике и борьбе с убийствами и умышленному причинению тяжкого вреда здоровью? Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, должен быть однозначным – конечно, нельзя.

Почему же в таком случае борьбе с травматизмом, профилактической работе с возможными жертвами несчастных случаев не уделяется соответствующего социальной значимости этой проблемы внимания? Почему до сих пор в широком государственном или отраслевом масштабе никто не разрабатывает научно обоснованных рекомендаций как лучше уберечься от несчастного случая? Основная причина, и здесь нельзя не согласиться с мнением специалистов-травматологов, заключается в том, что, к сожалению, несчастный случай подавляющее большинство людей (в том числе и непосредственно ответственные за технику безопасности должностные лица) рассматривают как некую случайность, нечто единичное, не подчиняющееся никакой закономерности и весьма далекое от сознательного воздействия человека, как некое неотвратимое явление.

В этой связи следует напомнить, что полтора-два века назад преступление рассматривалось точно также: как случайный, необязательный акт агрессии, не подвластный никакой закономерности. Человечеству пришлось претерпеть немало бед от этих казавшихся случайными вспышек актов убийц, насильников, воров, прежде чем бельгиец А.Е. Кегле на полной научной основе заявил: «Мы можем рассчитать заранее, сколько индивидуумов обогреть руки в крови своих сограждан, сколько человек станут мошенниками, сколько станут отравителями, почти так же, как мы заранее можем подсчитать сколько человек родится и сколько человек умрет...»¹.

В наши дни уже неоспоримо доказано, что преступность – это социальное явление, имеющее причины и условия зарождения и развития, а следовательно, подчиняющееся определенным закономерностям. Эти закономерности изучаются рядом наук, ведущее место среди которых занимает криминология. А вот несчастный случай все еще рассматривается как случайность, хотя фактически он представляет собой несчастную закономерность, которая пока что по-настоящему не заинтересовала ни фундаментальную, ни прикладную науку. Однако для многих ученых и практиков все более очевидны масштабы и актуальность социальных, экономических и морально-этических аспектов проблемы несчастного случая.

Видимо, назрела необходимость глубокого, теоретически обоснованного изучения механизма несчастных случаев, их причин и условий для разработки научных мер по их предупреждению и профилактике.

В современных условиях, когда научный прогресс во многом обеспечивается за счет дифференциации и интеграции отдельных отраслей знаний, а также с учетом серьезного социального значения проблемы охраны потенциальных пострадавших от различных форм вреда, закономерно встает

¹ Яковлев А.М. Социальный детерминизм и уголовная статистика. // Преступность в капиталистических странах. – М., 1973. – С. 3.

вопрос о необходимости комплексного, системного исследований жертв (всех их видов и категорий) в рамках самостоятельной научной дисциплины. О необходимости глубокого и всестороннего теоретического изучения всех видов жертв – будь то пострадавшие от преступных деяний или несчастных случаев – на социальном, психологическом и биофизическом уровнях, и выработки на этой основе практических рекомендаций по наиболее эффективной их защите от возможного вреда высказывается целый ряд отечественных и зарубежных специалистов (правоведов, психологов, социологов, медиков). Еще в 70-х годах высказывались мнения, что «... изучение жертвы любого вида и всех связанных с нею теоретических и практических вопросов, должна заниматься специальная самостоятельная комплексная научная дисциплина – виктимология...» Ее основными задачами могли бы стать: а) изучение причин и условий зарождения и развития (генезиса) такого феномена, как жертва; *victima* (лат.) – жертва; *logos* (греч.) – знание, учение. Следовательно, виктимология – учение о жертве вообще. Однако в отечественной и зарубежной литературе термин «виктимология» употребляется многими авторами для обозначения лишь учения о жертве преступления; б) исследование социальной, психологической и биофизической структуры всех категорий жертв; в) выяснение и анализ общих характерных элементов для всех категорий жертв и специфических особенностей для каждой из них; г) выработка научно обоснованных практических рекомендаций для организации общей и индивидуальной профилактики потенциальных жертв, определение для них соответствующих мер безопасности; д) разработка теоретических и практических проблем возмещения вреда, причиненного жертве».

На современном уровне знаний о видах жертв в виктимологии можно выделить две самостоятельных, но взаимосвязанных отрасли: 1. Учение о жертве правонарушений – деликтная виктимология:

а) жертв преступлений – научную дисциплину, изучающую жертвы преступлений, называют криминальной виктимологией;

б) жертв иных правонарушений (гражданских, трудовых, административных и проч. – данное научное направление можно назвать собственно деликтной виктимологией или деликтной виктимологией в узком смысле этого понятия, и 2. Учение о жертве несчастных случаев – травмальная виктимология – в зависимости от объекта исследований травмальная виктимология, на наш взгляд, должна включать следующие направления:

- а) исследования жертв производственного травматизма;
- б) исследования жертв транспортного травматизма;
- в) исследования жертв бытового травматизма;
- г) исследования жертв иных несчастных случаев.

2 ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ

2.1 Виктимологическая характеристика жертв внутрисемейных насильственных преступлений

Первые масштабные разработки в области изучения жертвы, как активного участника преступления, отмечены в 40-е годы в Японии, США, странах западной Европы. В последние годы различные исследования в области криминальной виктимологии занимают все более значительное место в рамках учений о преступности. Тем не менее, было бы ошибочным считать, что данное направление в криминологии является ультрасовременным. Еще в XIX в. такие ученые, как А.В. Лохвицкий, Н.С. Таганцев предпринимали попытки изучения роли жертвы в генезисе преступления. Тем не менее, ключевые виктимологические понятия и феномены, такие как: жертва, виктимность, виктимизация, виктимологическая вина являются малоисследованными в правовой доктрине и еще менее известными общественности.

Советская наука второй половины XX века, безусловно, оперировала этими понятиями, но лишь с позиций идеологической ценности и приоритетности тех или иных объектов уголовно-правовой охраны. Не секрет, что личность в этой иерархии занимала отнюдь не первое место. Потерпевшему традиционно отводилась пассивная роль в механизме совершения преступления. Явная односторонность подобного подхода вскрывается современными исследователями в области виктимологии, что дает импульс для усовершенствования законодательства, более углубленного изучения роли жертвы в совершенном преступлении и ее правовой оценки. Д¹.

¹ Ривман Д.В. Криминальная виктимология. – СПб., 2012.

В настоящей работе предполагается рассмотрение тех виктимологических аспектов, включая поведение потерпевшего, которые имеют уголовно-правовую значимость для дифференциации и индивидуализации ответственности за насилие в семье в силу их существенной роли в генезисе преступного поведения. Для последующего изложения определим основные понятия.

Следует отметить, что в России понятие «жертва» не включено в перечень юридических терминов. Для жертв, попавших в правовое поле, а именно в сферу действия уголовного и уголовно-процессуального права, законодатель использует понятие «потерпевший». Любопытно, что в США, напротив, «не существует такого участника уголовного судопроизводства, как потерпевший, а в законодательстве используется термин «жертва» (victim - англ.) преступления для обозначения лица, которое пользуется широким комплексом прав, в основном тех, которые направлены на обеспечение его безопасности»⁶.

В отечественной практике для лиц, пострадавших от преступления и официально признанных участниками уголовного процесса, законодатель предусматривает понятие «потерпевший». В общесоциологическом смысле фактическое содержание понятия «жертва» гораздо шире понятия «потерпевший», ибо каждый потерпевший является жертвой, но не каждая жертва признается потерпевшим. Так, «потерпевший» приобретает свой правовой статус со всеми вытекающими последствиями в процессуальном порядке. Понятие «жертва» характеризует некий социальный, но не правовой статус лица, пострадавшего от преступления, вне зависимости от юридического оформления.

В качестве более приемлемой Д.В. Ривман признает вторую. В.Е. Христенко, положив в основу принцип дихотомии и математическое обоснование термина «жертва», дает следующее определение: «жертва - это человек (сторона взаимодействия), который утратил значимые для него

ценности в результате воздействия на него другим человеком (стороной взаимодействия)»¹.

И.Г. Скурту приводит, пожалуй, наиболее точное определение: жертва - «это человек, понесший физический, моральный, материальный вред от противоправного деяния, независимо от того, признан он в установленном законом порядке потерпевшим или нет»².

Существует мнение, что термин «жертва» вообще не должен применяться, а следует оперировать материальным понятием «потерпевший».

Однако, по нашему мнению, понятие «жертва» имеет право на существование по ряду причин: во-первых, это составляющая языка криминологии как науки и ее самостоятельной отрасли - виктимологии; во-вторых, данное понятие незаменимо для обозначения пострадавших лиц, не обращающихся в правоохранительные органы, либо чьи заявления не приняты, либо кому необоснованно отказано в возбуждении уголовного дела.

Проблема потерпевшего от преступления отражена в нормах материального права. Роль потерпевшего в генезисе преступного поведения, влияние его личностных характеристик и волеизъявления на осуществление возможности наступления уголовной ответственности обвиняемого, правильную квалификацию содеянного, индивидуализацию наказания выступает объектом доктринальных исследований, научных споров и дискуссий³.

Поскольку подробное рассмотрение данного вопроса выходит за рамки нашего исследования, ограничимся тем, что обозначим свою позицию относительно рассматриваемого вопроса. Я разделяю точку зрения, что потерпевший (в материально-правовом смысле) - это человек, в отношении

¹ Христенко В.Е. Психология поведения жертвы. – Ростов-на-Дону, 2014. – С.50.

² Скурту И.Г. Виктимологические аспекты профилактики преступлений в отношении несовершеннолетних: Дис.... канд. юрид. наук. – СПб., 2012. – С.31.

³ Фаргиев И.А. Уголовно-правовое значение личности и поведения потерпевшего: Дис.... канд. юрид. наук. – М., 2014. – С. 13.

которого совершено преступление и которому в результате этого причинен или мог быть причинен моральный, физический или имущественный вред¹. Моя позиция обусловлена тем обстоятельством, что для уголовного права представляет интерес только материальное основание признания лица потерпевшим, только объективный критерий - факт причинения вреда деянием, запрещенным законом, либо угроза причинения такого вреда.

Наряду с терминами «жертва» и «потерпевший» в научной литературе встречается термин «пострадавший», применяемый для обозначения лица, которому преступлением причинен вред. Например, такие ученые, как П.С. Яни, А.В. Сумачев выражают мнение, что в материальном уголовном праве при определении лиц, которым преступлением причинен вред, более предпочтительно использовать термин «пострадавший», нежели «потерпевший»².

Согласимся с И. Фаргиевым в том, что «обязательным условием термина является его однозначность в рамках системы понятий данной области и родственных ей областей». Следовательно, в целях унификации терминологии применительно к наукам и отраслям уголовно-правового цикла более предпочтительно использование понятия «потерпевший».

Следует заметить, что все характеристики личности потерпевшего, могущие иметь уголовно-правовое значение, можно разделить на три основные группы:

1. Психофизические (пол, возраст, физическое и физиологическое развитие, психические аномалии, девиации и т.д.);
2. Социальные (родственная связь, социальный статус, взаимоотношения между потерпевшим и обвиняемым и т.д.);
3. Собственно уголовно-правовые признаки, характеризующие поведение потерпевшего (противоправные или аморальные действия

¹ Уголовное право России. Часть Общая. Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. Л.Л. Крутиков. – М., 2005. – С.142-144.

² Яни П.С. Законодательное определение потерпевшего от преступления II Российская юстиция. – 2015. – № 4. – С.40.

(бездействие), согласие на причинение вреда, правомерные действия, направленные против правонарушителя).

В уголовном законе указанные признаки потерпевшего могут выступать в качестве: 1) обязательного признака (в конструкциях основных и привилегированных составов, предусмотренных ст. 106, 107, 113, 134, 135, 150, 151, 156 и др.); 2) квалифицирующего признака (п. «в», «г» ч.2 ст. 105, п. «б» ч.2 ст. 111, п. «в» ч.2 ст. 112, п. «в», «г» ч.2 ст.117, п. «г» ч. 2 ст. 127 и др.); 3) смягчающего или отягчающего наказание обстоятельства (п. «з» ч.1 ст.61, п. «з» ч. 1 ст.63 и др.). Таким образом, в материальном праве предусмотрена возможность влияния личностных характеристик потерпевшего на:

- дифференциацию ответственности (по возрасту, полу, состоянию и поведению потерпевшего) и индивидуализацию наказания;
- решение вопроса о привлечении к уголовной ответственности либо освобождении от нее;
- решение вопроса об уголовной наказуемости деяния и возможности освобождения от наказания.

Из сказанного следует, что уголовный закон дифференцированно подходит к вопросам квалификации преступлений, назначения наказания в зависимости от определенных характеристик потерпевшего.

Таким образом, в уголовно-правовом смысле понятие «жертва» близко к понятию «потерпевший». Уголовно-процессуальное же определение потерпевшего пересекается с предыдущими и, если брать во внимание только физических лиц, охватывается виктимологическим понятием «жертва».

При анализе виктимологического аспекта насильственных преступлений в семье, по нашему мнению, следует учитывать их высокую латентность. Поэтому в процессе дальнейшего исследования мы будем опираться на самое широкое определение потерпевшего (физического лица), встречающееся в криминологической литературе, приводимое в работах таких ученых, как Л.В. Франк и

В приведенных выше определениях потерпевшего фигурируют лишь три вида вреда. Здесь возникает вопрос, исчерпываются ли последствия преступления указанными видами? Постараюсь ответить на поставленный вопрос применительно к исследуемой проблеме. Безусловно, основными видами вреда, причиняемого потерпевшему от насилия в семье, являются физический и моральный. Что касается имущественного вреда, то он, как правило, произволен от первых двух, к примеру, это могут быть расходы на лечение, реабилитацию и т.д. Однако следует упомянуть и о последствиях организационного характера¹: разрушается семья, как социальный институт, а вместе с тем нарушается сфера быта и досуга конкретного человека, возникают проблемы, связанные с невозможностью дальнейшего совместного проживания (например, вынужденный обмен жилья, часто связанный с ухудшением жилищных условий). Неустроенность и проблемы в семье сказываются и на выполнении пострадавшим трудовых функций и в целом на общем качестве его жизни.

Исходя из сказанного, считаю возможным дать следующее определение потерпевшего от насилия в семье - это физическое лицо, связанное с причинителем вреда родственными или иными семейными отношениями, которому непосредственно преступлением (общественно опасным деянием) причинен моральный, физический или иной вред.

И виктимность, и защищенность как социальные феномены могут быть обусловлены субъективными и объективными обстоятельствами и иметь предпосылки самого различного свойства. Отсюда можно выделить несколько составляющих комплекса «виктимность - защищенность»:

Биопсихологические, среди которых выделяются:

- физические (сила, ловкость, антропометрические показатели);
- физиологические (скорость реакции, эндокринный баланс);

¹Тройская НЛО. Преступления в сфере оплаты труда и социальных выплат по уголовному законодательству РФ (ст. 145¹ УК РФ): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2007. – С. 21.

- психологические (готовность к нападению и отражению агрессии, темперамент, механизмы саморегуляции в состоянии стресса);

- психические (психическое здоровье, акцентуации).

Социальные, к которым мы отнесли бы:

- правовые (правовое поле, правовая культура);

- иные социальные регуляторы (мораль, религия, мода);

- информационные (сведения о преступнике, жертве, информирование населения о способах защиты).

Соотношение социальных и биопсихологических характеристик в обычной ситуации, как правило, предсказуемо, исходя из общей концепции поведения индивида и его социального статуса и во многом определяет тип виктимного поведения (активное, пассивное, нейтральное, агрессивное и т.д).

В экстремальной ситуации поступки человека резко отличаются от общего стереотипа его активности. Он ищет скорейший выход из создавшегося положения и не всегда его решения и действия рациональны. В состоянии стресса индивид, как правило, не рассчитывает на социально-правовые способы своей защиты, в результате ведущими становятся именно психофизиологические инстинктивные реакции.

В виктимологии принято выделять группы лиц с повышенной виктимностью по различным основаниям: по полу, возрасту, социальному статусу. Но, как правильно замечают такие авторы, как И.В. Сердюк, А.В. Варданян, Н.Х.

Сафиуллин, М.В. Данилевская, А.А. Глухова, многое зависит от вида совершаемых посягательств. Практически все указанные исследователи отмечают, что при совершении тяжких насильственных преступлений элемент провокации жертвы (как правило, это агрессивно-виктимное поведение) выражен ярче¹.

Стоит отметить, что при общей принципиальной схожести механизма формирования криминогенной ситуации личностные характеристики жертв

¹ Глухова А.А. Виктимологические факторы преступности: Дис.... канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 2009. – С.58.

внутрисемейного насилия существенно различаются в основном по характеру виктимного поведения. А.Н. Ильяшенко предлагает весьма развернутую типологию жертв насилия в семье. Он выделяет 6 основных типов и несколько подтипов, среди которых - ситуативно-случайная жертва и длительно-пассивная жертва, жертва-преграда и легкомысленная жертва, жертва-provokator и жертва-насильник¹. Предложенная типология представляется исчерпывающей и, не требует комментариев.

Далее стоит обратиться к количественным характеристикам семейного насилия. Несмотря на то, что рассматриваемая проблема все более широко обсуждается в средствах массовой информации, большинство публикаций строится либо на частных случаях насилия в семье, либо опирается на результаты региональных виктимологических исследований, полученных путем подсчета обращений на телефоны доверия кризисных центров.

Для того, чтобы получить более полное представление о масштабах исследуемой проблемы, следовало бы обратиться к официальной статистике. Но здесь возникает проблема - объективной информации о семейном насилии в России нет.

Статистика фиксирует только ограниченное число признаков. И хотя с 1993 г. в нашей стране ведется статистический учет потерпевших от преступлений, отдельной статистической формы по потерпевшим не существовало вплоть до 2006 г., а соответствующие данные, которыми располагали информационные центры МВД, были недоступны для общественности. Исследователи, занимающиеся проблемами виктимологии, постоянно обращали внимание на необходимость включения данной информации в сборники криминальной статистики². Сегодня продолжает оставаться актуальным вопрос о статистическом отражении характеристик жертв насилия в семье с разделением по виктимологическим признакам.

¹Ильяшенко А.Н. Противодействие насильственной преступности в семье: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Дис.... д-ра юрид. наук. – М., 2013. – С. 262-265.

²Полубинский В. Когда виноват пострадавший // Человек и закон. – 2011. – №9. – С.80-81.

Положение осложняется высокой латентностью преступлений в семейной сфере. Фиксируются только самые опасные преступления (убийства, причинение вреда здоровью, истязания). Побои, оскорбления, экономические притеснения и другие виды насилия часто остаются за рамками статистических учетов. При этом С.В. Кочеткова справедливо замечает, что количество зарегистрированных преступлений зависит не столько от деятельности сотрудников ОВД, сколько от желания потерпевших и их родственников подать заявление о совершенном преступлении¹. Согласно результатам исследования, проведенного А.И. Морозовым, 2/5 опрошенных, подвергшихся жестокому обращению, вообще не имеют четкого представления о противоправности избиений, оскорблений, ограничения свободы и так далее.

Подобную картину выявило и наше исследование. 86% из числа опрошенных, подвергавшихся насильственным посягательствам в семье, вообще не обращались в правоохранительные органы за помощью. Причины этого самые различные: неверие в действенность правовых механизмов (42%), опасение мести со стороны правонарушителя (24%), примирение с обидчиком (15,5%») либо жалость к нему (9%), неосведомленность в юридических вопросах (7%), а также наличие материальной или психологической зависимости от причинителя вреда, малолетний или престарелый возраст, психологическое давление на потерпевшего (потерпевшую). Настораживает тот факт, что в реальной ситуации семейного насилия 21,8% опрошенных предпочли применить ответное насилие, нежели обратиться в правоохранительные органы⁴¹. В этой связи Ю.М. Антонян отмечает, что выбор насильственного способа решения проблем обусловлен отсутствием четких представлений о наказуемости и формах ответственности за подобные действия².

¹ Кочеткова С.В. Опыт анализа насилия в семье // СОЦИС. – 2009. – № 12. – С. 116.

² Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. – М., 2014. – С. 226.

Но даже если жертва насилия обращается за помощью в правоохранительные органы, более половины дел не доходит до суда. Т.А. Сидоренкова в этой связи обращает внимание на два обстоятельства процессуального характера: особый порядок возбуждения дел по заявлению потерпевшего (категория дел частного и частно-публичного обвинения: ч. 1 ст. 115, ч.1 ст. 116, ч.1 ст. 131 и др.) и объективные затруднения при сборе, проверке, анализе доказательств ввиду отсутствия каких-либо свидетелей преступления.

Следует также отметить запоздалость назначения и производства судебно-медицинских экспертиз по делам о насилии в семье, недостаточную добросовестность и некомпетентность медиков, проводящих первичное медицинское освидетельствование: осмотр проводится поверхностно, описания телесных повреждений скудные, неопределенные, неразборчивые, отсутствуют указания на локализацию повреждений¹.

Нельзя не согласиться с И. Булатовым и А. Гриненко, которые говорят о необходимости обеспечения надлежащей защиты и восстановления прав потерпевших. В противном случае действующим законодательством создаются более «комфортные» условия для подозреваемых и обвиняемых².

В свете изложенного представляется необходимым пересмотреть подход к приему заявлений от граждан, подвергшихся жестокому обращению в семье, более внимательно проверять поступающую информацию, в том числе с обращением к специалистам в области медицины.

Определяя субъектный состав жертв насилия в семье, мы неизбежно подходим к вопросу о том, кого следует включать в структуру межличностного семейного общения. С незначительными поправками стоит присоединяемся к мнению авторов (Ю.М. Антонян, Р.М. Зулкарнеев и др.), относящих к данной группе лиц, объединенных юридическими и фактическими брачными

¹ Романова Л.В. Оказание медицинской помощи жертвам насилия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/syostri/help1.htm>.

² Гриненко А. Потерпевший должен иметь не меньше процессуальных прав, чем обвиняемый // Российская юстиция. – 2012. – № 9. – С.51.

отношениями (муж-жена), родственными (родители-дети, братья-сестры и т.п.) и свойственными (родственники супругов)¹. Также стоит отнести к данной группе усыновителей и усыновленных, опекунов и подопечных, фактических воспитателей и воспитанников, проживающих совместно. Критерием выделения указанного круга субъектов является особый характер межличностного общения в данной группе.

Безусловно, в первую очередь в указанную виктимологическую группу следует включить лиц, связанных брачными отношениями. Здесь необходимо учесть современные тенденции в развитии института семьи. В силу этого к данной группе в виктимологическом отношении следует отнести и лиц, официально не зарегистрированных как супруги, но ведущих общее хозяйство и нередко осуществляющих обязанности по совместному воспитанию детей.²

Безусловно, подвергаются насилию и родители со стороны своих взрослых детей. Особенно родительская виктимность повышается с возрастом и обуславливается «особенностями психофизического порядка», такими как: физическая слабость, болезненные возрастные изменения и так далее³. По данным Д.В. Ривмана, доля жертв насильственных преступлений старше 60 лет, связанных с преступниками родственными отношениями, относительно невелика (8% - жертвы убийств, 4,4% - умышленных причинений тяжкого вреда здоровью)⁴.

Таким образом, в круг жертв насилия в семье вовлечены лица разного возраста и пола, обладающие при этом определенными виктимологическими характеристиками, вытекающими из особых межличностных отношений. Данные характеристики имеют не только криминологическое значение (позволяют выявить причины совершенного преступления и разработать

¹ Шестаков Д.А. Супружеское убийство как общественная проблема. – СПб., 2012. – С.7.

² Ильяшенко А.Н. Агрессия в отношении несовершеннолетних как детерминанта их преступного поведения. – М., 2013. – С. 1-2.

³ Разумов П.В. Преступность лиц пожилого и престарелого возраста (к постановке уголовно-правовых и криминологических проблем). – Ставрополь, 2013. – С.34.

⁴ Ривман Д.В. Криминальная виктимология. – СПб., 2012. – С.116.

комплекс мер, позволяющих воздействовать на преступность данного вида), но и уголовно- правовое (помогают дать объективную юридическую оценку содеянного) значение.

2.2 Анализ взаимосвязи «преступник-жертва»

Принимая во внимание достаточно большое влияние жертвы на генезис насильственного семейного преступления, тем не менее, следует помнить, что любое преступление - это взаимодействие преступника и жертвы, построенное на совокупности объективных (место, время, ситуация) и субъективных (взаимные чувства, эмоции) связей. Анализ данного явления представляется важным не только в виктимологическом контексте, но и будет учитываться при обосновании основных подходов к решению вопросов ответственности за насилие в семье.

Ценность исследования взаимосвязи «преступник-жертва», как специфической системы отношений в механизме преступного поведения, обусловлена его высокой прикладной значимостью для понимания внутрисемейной преступности, закономерностей ее распределения и отношения населения к проблеме насилия в семье.

Поведение членов семьи во многом обусловлено именно особенностями семейных отношений, их длительным характером. Э.Г. Эйдемиллер и В. Юстицкис указывали на абстрактность идиллических представлений о семье, где все счастливы. Напротив, противоречия между личностью и семьей они рассматривали как неизбежные и закономерные¹.

Сама же семья отличается «более сильными системообразующими факторами по сравнению с другими малыми социальными группами, и это накладывает отпечаток на характер семейных конфликтов»². Индивиды,

¹ Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. – СПб., 2009. – С. 190.

² Семейное право России: Учебное пособие / Под ред Ю.А. Королева. – М., 2009. – С.6.

объединенные в семью, обладают своими отличительными особенностями в силу возраста, социального статуса, семейной роли (отец, свекровь, невестка, жена, муж, дети). Свойства личности дают нам ответ, почему одно лицо в случае острого конфликта, имеющего фрустрирующий потенциал, прибегает к расставанию, разводу, другое - к самоубийству, третье - к преступлению¹.

За всю историю развития криминологической науки авторы приводили огромное количество классификаций преступников и жертв преступлений, беря во внимание тот или иной набор компонентов, положив в основу один - два наиболее с их точки зрения значимые.

Прослеживается тенденция к абсолютизации либо факторов среды, либо личностных особенностей психофизиологического свойства в динамике преступной активности. Тем не менее, вычленение тех или иных характеристик персонажей криминальной драмы является искусственным и основанным лишь на изучении статистических закономерностей, выявленных в ходе кримино-виктимологических исследований.

По моему мнению, термин «вина потерпевшего» может быть рассмотрен, по крайней мере, с трех позиций - уголовно-правовой, уголовно-процессуальной и виктимологической. Возникает вопрос о том, какое юридическое значение имеет такая вина и каким образом этот феномен отражен в действующем законодательстве. Перед тем как ответить на этот вопрос, необходимо разграничить некоторые смежные понятия, широко используемые криминологической наукой.

Так, несмотря на то, что в литературе имеется тенденция к использованию в качестве синонимов таких понятий, как «отрицательное поведение потерпевшего» и «виновное поведение потерпевшего»², В.Е. Батюкова предлагает их разграничивать, полагая, что первое является родовым по

¹ Шестаков Д.А. Супружеское убийство как общественная проблема. – СПб., 2012. – С.7. Левкович В.П., Зуськова О.Э. Социально-психологический подход к изучению супружеских конфликтов

² Минская В.С. Отрицательное поведение потерпевшего - одна из категорий советской виктимологии // Советское государство и право. – 1980. – № 7. – С. 136-139.

отношению ко второму понятию. Я полностью разделяю данную точку зрения, учитывая, по крайней мере, несколько поведенческих типов потерпевшего, укладываемых в понятие «отрицательное поведение потерпевшего». Наряду с понятием «виновное поведение потерпевшего» используется термин «вина потерпевшего». Оба понятия весьма противоречивы, что дает почву для признания их упречными. Хотя эти понятия, исходя из лексического формализма, имеют различия, интерпретируются они не иначе, как виктимное поведение потерпевшего.

В этой связи необходимо упомянуть еще об одном понятии, все чаще встречающемся в виктимологических исследованиях - «инверсия вины».

Позднее в подобном же контексте данное явление было раскрыто Л.В. Сердюком, который отмечает, что «вред во многих случаях является обоюдным, хотя может носить разный характер и по виду, и по степени общественной опасности. Например, оскорбивший может быть избит, и наоборот, причинивший телесные повреждения может быть оскорблен противником в конфликте».

Однако следует отметить, что термин «вина» в данном контексте употребляется более в криминологическом, нежели в уголовно-правовом и процессуальном смысле. Кроме того, «вина потерпевшего» характеризует объективную сторону деяния, в отличие от вины преступника, относящейся к субъективной стороне того же деяния. Именно поэтому невозможен перенос ответственности на потерпевшего, а стало быть, невозможна «инверсия вины», а возможна лишь инверсия ролей или состояний.

Американскими криминологами в научный оборот было введено понятие «провокация жертвы», которое стало использоваться для обозначения наиболее экстремальных форм виктимного поведения потерпевшего. В.С. Минская и Г.И. Чечель определяют провокацию потерпевшего как «отрицательное поведение потерпевшего, при котором человек теряет самообладание и совершает неожиданный поступок с фатальным результатом». Данное определение представляется не вполне удачным,

поскольку содержит ряд оценочных и даже художественных понятий. Более точно виктимологическую провокацию определяет Э.Л. Сидоренко, сущность которой она видит в аморальном или противоправном поведении потерпевшего, негативно воспринимаемом субъектом и вызывающем его ответную реакцию в виде преступления.

Для семейного насилия характерна неосторожная кумулятивная провокация, когда имеет место длительное неблагоприятное воздействие на психику кого-либо из членов семьи, что ведет к формированию личных неприязненных отношений.

В то же время, как отмечает Р.М. Зулкарнеев, для лиц, совершивших насильственные преступления в семье, склонность к накоплению аффекта и к неожиданному всплеску эмоций (истерически-паранойяльного типа) значительно выше, чем у других категории насильственных преступников.

Провокация со стороны потерпевшего может быть выражена в одной из следующих форм: насилие, издевательство, тяжкое оскорбление, иные противоправные и аморальные (в том числе и носящие систематический характер) действия (бездействие) потерпевшего¹. Вообще понятие «провокация», по моему мнению, наиболее точно передает суть исследуемого явления, а, кроме того, не входит в диссонанс с правовым институтом «вины», хотя и не исчерпывает в полной мере всего разнообразия виктимного поведения потерпевшего.

Таким образом, наиболее широкими понятиями из всех рассмотренных являются синонимичные «виктимологическая вина» и «виктимное поведение потерпевшего». Оба понятия включают в себя как активное, так и пассивное поведение жертвы, влияющее на развязывание механизма преступного поведения. Несколько уже понятие «отрицательное поведение потерпевшего», которое по терминологии законодателя может быть аморальным либо противоправным.

¹ Лбельцев С.Н. Корысть и насилие в тяжких преступлениях против личности: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 137.

Из двух наиболее узких однопорядковых понятий: «вина потерпевшего» и «провокация жертвы» более корректным представляется второе. Однако следует заметить, что даже активное виктимное поведение потерпевшего не может полностью оправдать преступника и устранить основание уголовной ответственности, ведь отношение «преступник-жертва» является лишь частью более широкого взаимодействия - «преступник-ситуация», а, следовательно, субъективная оценка ситуации и ответственность за принятие решения о дальнейших действиях целиком ложится на правонарушителя. Тем не менее, хотя неправомерное поведение потерпевшего не предусмотрено в уголовном законе как самостоятельное обстоятельство, исключающее преступность деяния, оно рассматривается в качестве смягчающего наказания (п. «з» ч.1 ст.61 УК).

В западной судебной практике встречается иной подход. Так, в 1977 г. американский физиолог Ленор Е. Уокер ввел новый термин - «синдром избитого человека», который стал применяться чаще всего в случаях семейного насилия к женщинам, неоднократно подвергавшимся побоям и затем совершившим тяжкое насильственное преступление в отношении своего обидчика. Ряд таких обвиняемых, в том числе в процессах, на которых Уокер выступал в качестве эксперта по «синдрому избитого человека», был полностью оправдан. «Синдром» был признан во многих судах, хотя и отклонен в других¹.

Рассмотренное выше на примере «инверсии ролей» однолинейное отношение «преступник-жертва» является упрощенной моделью оппонирования сторон конфликта.

Возвращаясь к вопросу о влиянии роли потерпевшего в совершенном преступлении на пределы ответственности правонарушителя, следует отметить, что виктимное поведение потерпевшего не может остаться без внимания

¹ Красилов А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве / Под ред. И.С. Ноя. – Саратов, 1976. – С.44.

судебно-следственных органов¹, хотя и ненаказуемо по действующему уголовному праву². Л.В. Сердюк отмечает, что зависимость между виной потерпевшего и виной преступника обратно пропорциональная. П.С. Дагель и Н.Ф. Кузнецова в своих работах указывают на то, что вследствие отрицательного поведения потерпевшего возможно «смягчение вины причинителя вреда».

С.Н. Абельцев считает, что смягчение наказания возможно в случае виктимного поведения потерпевшего, лишь когда «психика виновного выводится из обычного состояния, нарушается избирательный момент в мотивации поведения», а именно при наступлении аффекта.

Безусловно, изучение природы и закономерностей отношений «преступник-жертва» было бы неполным при ограничении его рамками анализа виктимного поведения потерпевшего. Обратимся к иным аспектам исследуемого взаимодействия.

Взаимодействие членов семьи, безусловно, определяется как социальное взаимодействие, участники которого наделены определенными социальными ролями. Одним из критериев субъективной социальной связи является ролевое ожидание партнеров этой связи по отношению друг к другу. От того, оправдались или нет ролевые ожидания каждого субъекта взаимодействия, во многом зависит климат в семье. Так, например, измена одного из партнеров приводит к грубому искажению ролевых ожиданий и как следствие становится причиной конфликтов либо мотивом для совершения преступления.

В процессе конфликта стороны нередко нуждаются в ощущении своей правоты, иногда в ощущении своей «жертвенности», несправедливо полученной обиды, чтобы иметь основание для возмездия, восстановления справедливости. Это во многом объясняет, почему причину семейного

¹ Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве / Под ред. И.С. Ноя. – Саратов, 1976. – С.44.

² Фаргиев И. Оценка поведения потерпевшего - физического лица в уголовном законе и судебной практике // Уголовное право. – 2015. – № 1. – С.72.

неблагополучия преступник обычно связывает с личностью потерпевшего, а совершение преступления против супруга, как правило, содержит в той или иной степени элемент мести за несостоявшуюся семейную жизнь.

Д.А. Шестаков справедливо отмечает, что «в личностно-бытовых преступлениях роль потерпевших (по их криминологической оценке) гораздо заметнее их роли в небытовых преступлениях, так как и потерпевший, и преступник «связаны» кругом общения, систематическим контактом»¹.

Интересно и в то же время ошибочно, по нашему мнению, предположение Н.И. Бельцова о моменте возникновения контакта жертвы и преступника. Он пишет: «Приняв решение о совершении преступления, личность виновного входит в контакт с личностью потерпевшего». Однако, как известно, в основе принятия решений всегда лежат мотивы. Получается, что такие мотивы, как ревность, месть, корысть, личная неприязнь, наиболее часто встречающиеся при совершении насильственных преступлений в семье, могут возникнуть в отрыве от личности потенциального потерпевшего.

Неслучайно Ю.М. Антонян указывает на то, что мотив всегда органично вписан в общий контекст поведения человека². Я придерживаюсь мнения, что мотивы бытовых и внутрисемейных преступлений рождаются непосредственно в процессе дрящегося контакта преступника и жертвы, который имеет тенденцию к постепенной криминализации, и редко возникают спонтанно. Интересно, что у обеих сторон взаимодействия часто отмечается амбивалентное отношение друг к другу.

Важной детерминантой конфликтно-насильственного взаимодействия членов семьи является опыт отношений сторон. Положительный опыт разрешения разногласий ненасильственными способами способствует выработке оптимальных ненасильственных стратегий поведения в будущем. И, напротив, если в прошлом имел место результативный опыт применения

¹ Шестаков Д.А. Семейная криминология: семья - конфликт - преступление. – СПб., 2012. – С.60.

² Антонян Ю.М. Понятие преступного поведения // Криминологические проблемы преступного поведения: Сб. науч. тр. – М., 2011. – С.5.

насилия, скорее всего во вновь возникшей конфликтной ситуации выбор средств будет predetermined.

Таким образом, насилие в семье во многом детерминировано взаимоотношениями самих членов семьи, имеет цикличность и тенденцию к повторяемости. Данная проблема ввиду ее особой значимости затронута в работах большинства исследователей криминального насилия¹.

2.3 Ситуационный фактор в процессе виктимизации личности в семье

Значительное влияние ситуации на характер преступлений, совершаемых в сфере быта и досуга, в том числе и в семье, неоднократно отмечалось в криминологической литературе. Некоторые исследователи считают, что до 90 % совокупной криминологической характеристики этих преступлений носит ситуативный, импульсивный характер с внезапно возникающим неопределённым, неконкретизированным умыслом.

Главная причина разночтений в трактовке понятия криминогенной ситуации видится в различной степени учета факторов, предшествующих преступлению и участвующих в процессе его детерминации. Вообще юридически значимы не только ситуации совершения преступлений и предкриминальные ситуации, охватываемые понятием криминогенная ситуация, но и посткриминальные ситуации. Все три вида представляют интерес в криминологическом отношении, поскольку могут существенно повлиять на объем ответственности, которую понесет правонарушитель. К примеру, ситуация, сопровождаемая или вызванная противоправным или аморальным поведением потерпевшего, влечет смягчение наказания (п. «з» ст. 61 УК) либо рассматривается как привилегирующее обстоятельство (ст. 107, 113 УК).

Интересный подход к обоснованию роли ситуации в predetermined поведении человека предложили когнитивисты (В.Н. Мясищев, В.С. Мерлин). В

¹ Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия, контроль. – СПб., 2011. – С. 304-305.

качестве условия конфликта они рассматривали не собственно ситуацию, а субъективную интерпретацию происходящего. С таким подходом можно согласиться, ибо все социальные явления преломляются через психику конкретной личности. В этой связи нами установлено, что в случае с насилием в семье ярко выражены явления апперцепции. Известно, что вследствие косности определенных социально-психологических установок в ряде случаев имеет место расхождение имеющегося у субъекта опыта с восприятием актуальной ситуации (необоснованная ревность, мнительность, образы, продуцируемые психикой больного человека

Продолжая анализ психологических составляющих криминогенной ситуации насилия в семье, следует отметить ее стрессогенный характер. Хотя стресс в принципе «является не только нормальным, но и необходимым условием жизни и деятельности человека», стрессовое состояние является пограничным и на определенном этапе своего протекания может приобретать деструктивные свойства. Отсюда возможны неадекватные реакции человека на некоторые раздражители. Кроме того, стрессорные факторы нередко бывают сопряжены с психическими аномалиями, которые ряд исследователей рассматривает как устойчивые и типичные для лиц, совершающих внутрисемейные насильственные преступления¹.

Поскольку ситуация семейного конфликта развивается по спирали, имеет тенденцию к цикличности, повторяемости, в ее рамках возникают устойчивые внутренние и внешние стрессорные факторы (триггеры - англ. trigger). Данные факторы обычно символизируют или напоминают какие-либо стороны имевшего место ранее насильственного поведения и вызывают у жертвы «цепную реакцию» эмоционально-волевых, физиологических и как следствие - поведенческих реакций. Особенно опасно, когда насильник осознает, что конкретно оказывает наиболее сильное влияние на жертву, и начинает использовать это знание для манипулирования ею. В качестве триггеров могут выступать зрительные образы, обонятельные, осязательные,

¹ Антонян Ю.М. и др. Указ. соч. – С. 12.

вкусовые ощущения. Так, например, демонстрация орудия, которым жертва неоднократно была избита, вызывает у последней страх, ужас, что сказывается на общем уровне виктимности жертвы.

В семейной сфере помимо общих конфликтогенных факторов, характерных для малых социальных групп, существуют и специфические. Во-первых, личность в семье существует и самоидентифицируется как член социальной группы, в жертву интересам которой приносится часть индивидуальности, личных притязаний и амбиций. Во-вторых, личность в семье существует более- менее комфортно до тех пор, пока не затронуты ее доминирующие потребности. В-третьих, степень накала конфликтной ситуации напрямую зависит от наличия или отсутствия возможности выйти из нее. В случаях насилия в семье чаще всего жертвы оказываются «заложниками» ситуации, что существенно влияет на общий уровень их виктимности.

Далее стоит попытаться ответить на вопрос, как протекают процессы виктимизации - криминализации в семье, а также более обширный процесс формирования негативной криминогенной ситуации. Безусловно, в большинстве случаев источником напряженности в семье становятся сами люди - участники конфликта, в силу своей неспособности справиться со сложной ситуацией, психологических особенностей, грубости, нетерпимости¹. Причина тому - необходимость постоянной подстройки своих истинных чувств и желаний под настроения других людей, длительное время проживающих совместно.

Большинство исследователей считают, что негативные свойства личности и ее виктимное поведение являются обстоятельствами, способствующими совершению преступления. Д.В. Ривман, исходя из данной посылки, говорил о возможности влиять на криминогенную ситуацию, установив, за счет каких поступков потерпевшего и в каком направлении каждая конкретная ситуация воздействует на преступника. Аналогичный подход прослеживается и в

¹Максимов С.В., Ревин В.П. Насильственные преступления в сфере семейно-бытовых отношений и проблемы их профилактики: Учеб. пос. – М., 2013. – С.6-7.

работе И.К. Первяковой, которая отмечает, что женщины - жертвы преступлений «отличаются склонностью к злоупотреблению спиртными напитками, вспыльчивым характером, низким образовательным уровнем», «в преступлениях по отношению к матерям наиболее наглядно просматривается влияние семьи на формирование личности преступника, при этом не последнюю роль здесь играет сама мать». Ю.М. Антонян, И.В. Горшков и др. обращают внимание на то, что убийства отцов часто связаны с их паразитическим образом жизни, деградацией, систематическими притеснениями членов семьи. Подобное поведение потерпевших, безусловно, получает определенную правовую оценку в законе и именуется аморальным.

Соглашаясь с тезисом о безусловно сильном влиянии личностных характеристик потерпевшего на процесс развития криминогенной ситуации, представляется недопустимым категоричный вывод о том, что «возникновение и развитие виктимологической ситуации вызваны и обусловлены именно поведением жертвы, ее личностью». Сама по себе степень влияния виктимного поведения жертвы на формирование криминогенной ситуации зависит не только от социально-психологических особенностей личности потерпевшего, но и от ряда объективных обстоятельств, таких как, например, характер самого преступления. Так, убийство, предусмотренное ч.1 ст. 105 УК РФ, лишь в немногих случаях обусловлено аморальным поведением жертвы. А убийство в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ) практически на 100 % имеет в своей основе виктимное поведение потерпевшего, в результате которого и возникает сильное душевное волнение лица, совершающего преступление.

Из вышесказанного следует, что роль жертвы в совершении насильственных преступлений в семье может быть активной и пассивной, причем первое превалирует над вторым. Отсюда можно выделить два основных вида виктимологически значимых ситуаций: 1) ситуации, обуславливающие поведение жертвы; 2) ситуации, обусловленные поведением жертвы.

К первому типу можно отнести ситуации-проблемы, которые способствуют увеличению виктимности членов семьи. Например, проживание большого количества людей на малой площади и невозможность улучшить жилищные условия ведут обычно к появлению личной неприязни, и как следствие - конфликтов. Возможны также явления аутоагрессии, чему в немалой степени способствуют низкая самооценка, негативное отношение и умышленные действия иных членов семьи.

К ситуациям второго типа можно отнести: ситуации-следствия негативно-го поведения жертвы и ситуации-конфликты, спровоцированные самим потерпевшим. Например, зачинщик ссоры оказывается в роли жертвы.

Ситуации обоих типов могут действовать как изолированно, так и синергетически. Во втором случае ситуации первого типа, как правило, предшествуют ситуациям второго типа.

Для супружеских отношений весьма важна добрая модель поведения супругов. Причем мужчины оказываются более требовательны к женщинам в этом вопросе, чем к самим себе. Возникшая на этой почве ревность продуцирует образ соперника. Происходит экстраполяция ситуации прошлого на настоящее и будущее время, а, следовательно, ситуация, имевшая место задолго до совершения преступления и даже до знакомства преступника и жертвы может иметь криминогенное значение в механизме формирования преступного поведения. В этой связи В.С. Минская справедливо замечает, что половая распущенность потерпевших может стать основой для провокации убийства. На это же обстоятельство обращает внимание и С. Иванченко¹.

В формировании кримино-виктимогенной ситуации немаловажную роль играют мотивы^m. Из обширной группы мотивов внутрисемейных насильственных преступлений, прежде всего, выделяются мотивы самоутверждения и стремления к избавлению от забот, мотив воспрепятствования уходу супруга из семьи. Однако ведущим мотивом при совершении данных преступлений

¹ Иванченко С. Насилие в семье //Семья и школа. – 2016. – №2. – С.10.

выступает личная неприязнь, порождающая систематические ссоры (68,5%). Ревность (7,2%) также в немалой степени способствует конфликтности в семье. А.И. Ильяшенко, подробно изучив мотивы преступного поведения в семье, пришел к выводу, что все мотивы рассматриваемых преступлений условно можно разделить на «враждебные» и «инструментальные». В первой группе мотивов значительно преобладают (около 80%) мотивы мести за измену, побои, издевательства и т.п. со стороны потерпевшего. Во второй группе выделяются мотивы самоутверждения и мотивы сохранения семьи. Весьма специфичны в контексте семейных отношений мотивы «ликвидации на будущее опасности со стороны потерпевшего в отношении себя или близких» и стремления избавиться от психологической зависимости от потерпевшего. Насилие само может выступать элементом мотивации, а не средством достижения цели.

Особое место в механизме формирования криминогенной ситуации в семье занимают корыстные мотивы. Безусловно, факторами, способствующими формированию корыстной направленности¹, являются и общественное мнение, и стратификация общества по материальному признаку, и различные возможности удовлетворения материальных потребностей при формальном и закрепленном конституционно равенстве граждан в осуществлении своих прав. Одним из таких обстоятельств выступает стремление не отстать от референтных семей, условно принимаемых за идеал материального достатка. Инициатором подобных конфликтов чаще всего выступает женщина с ее страстью к накопительству. Так, исследование, проведенное С.Б. Соболевой, позволило выявить, что жены, которые впоследствии становились жертвами насильственных преступлений со стороны их супругов, скрывали от мужа истинные доходы, продукты питания. Последние же в качестве протеста против чрезмерного стяжательства в ущерб интересам семьи прибегали к

¹ Шестаков Д.А. Семейная криминология: семья - конфликт - преступление. – СПб., 2012. – С.103.

уничтожению мебели, одежды и других вещей¹. Безусловно, революционные общегосударственные процессы в экономике не могли не отразиться на семейных отношениях.

Так, В.М. Закирова отмечает, что «становление отечественной рыночной экономики сопровождается обострением тендерного конфликта». Кроме того, феминизация производственной и предпринимательской сферы не могла не сказаться на материальных амбициях женщин и их притязаниях к доходам супругов и привела к борьбе за роль главы семьи, а это в свою очередь сказывается на ломке привычных стереотипов поло-ролевых ориентаций мужчины и женщины и как следствие приводит к острому столкновению интересов членов семьи. К примеру, Е.А. Костыря в качестве одного из факторов повышения женской агрессии в семье видит изменение семейной роли женщины². Интересную мысль о гендерно-ролевой детерминированности преступности в семейно- бытовой сфере высказывает Н.С. Игнатова. Она пишет: «Семья в целом и супруги в частности в определенном смысле олицетворяют друг для друга некое общественное мнение». «В ситуациях доминирования за выявленными разногласиями стоят макроразногласия между условными группами мужчин и женщин».

Еще одним краеугольным камнем криминогенной внутрисемейной ситуации является алкоголизация и наркотизация населения. Данную проблему можно рассматривать в различных плоскостях: во-первых, к лицам, употребляющим наркотики и алкоголь, могут применяться насильственные действия с целью ограничения доступа к одурманивающим веществам; во-вторых, возможно агрессивное поведение наркоманов и алкоголиков по отношению к членам семьи; в-третьих, семейные конфликты могут быть рассмотрены как фактор, толкающий к употреблению алкоголя и наркотиков. В качестве примера приведу воспоминания одного из наркоманов: «Я готов был убить

¹ Соболева С.Б. Виктимологические факторы в преступлениях против личности//Правоведение. – 2012. – №2. – С. 121 - 124.

⁶⁶ Костыря Е.А. Внутрисемейное преступное поведение женщин в контексте проблем семейной криминологии: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2009. – С.93-96.

отца и своего лучшего друга за то, что они встали между мной и наркотиками». В семьях, где большая часть семейного бюджета тратится на приобретение алкоголя и наркотиков, рано или поздно встает вопрос, где взять деньги на очередную «дозу». Ответ напрашивается сам собой - если утрачены социально-полезные связи, место работы - остается добыть деньги преступным путем, в том числе и у членов своей семьи. Так, подростки, для которых употребление алкоголя и наркотиков превращается в витальную потребность, ставят жизнь и здоровье своих близких, а также благополучие своей семьи ниже, чем кратковременный и сомнительный кайф.

Ответ на вопрос, почему в сходных ситуациях люди ведут себя по-разному (занимают активную оборонительную, агрессивную или пассивную позицию), а, стало быть, по-разному протекает процесс виктимизации, отчасти можно получить, обратившись к «концепции обученной беспомощности». Основные идеи данной теории были разработаны такими учеными, как М. Селигман, Э. Лангер и Дж. Роден. В основе концепции лежит предположение о том, что человек сам отказывается от усилий справиться со сложной ситуацией. Нежелание бороться часто основывается на негативном жизненном опыте и прежних неудачах что-то изменить своими силами. В последующем этот опыт экстраполируется и на другие ситуации, порождает неуверенность в собственных силах, существенно снижает самооценку и притупляет ощущение самоценности. Это во многом объясняет те факты, когда потерпевшие от насилия в семье даже не пытаются искать защиты, пребывая в состоянии фрустрации.

Ответ на вопрос, когда же ситуация приобретает опасный характер, пытаются дать конфликтологи. Так, Н.В. Гришина считает, что этот момент наступает тогда, когда «человек, воспринимая сложившуюся ситуацию как неприемлемую для него, начинает что-то предпринимать для ее изменения - объясняет свою точку зрения партнеру, пытаясь переубедить его, идет жаловаться на него кому-то, демонстрирует свое недовольство и т.д.». То есть проявляет активность, ведущую к обострению противоречий и

направленную на поиск выхода из создавшегося положения. Это в какой-то мере объясняет высокую латентность насилия в семье, ведь попытки обратиться за помощью в правоохранительные органы, развестись, разменять квартиру часто приводят к ужесточению насилия.

Среди ситуационных факторов разными авторами отмечается особое значение условий, которые могут играть роль обостряющих и смягчающих конфликт. Так, Р. Дарендорф пишет, что чем больше «условий» имеется, тем выше возможность самого конфликта и тем выше опасность, что столкновение примет острый и насильственный характер¹. Так, например, в семейной сфере таковыми условиями являются: эмоциональный фон, ценностные установки и образ жизни членов семьи; условия жизни семьи; влияние «третьих лиц», заинтересованных в исходе конфликта; выработанные в ближайшем и отдаленном прошлом стереотипы поведения и т.п. Названные нами условия в субъективно- интерпретационном контексте способствуют выработке той или иной стратегии поведения оппонентов в конфликте.

Таким образом, большинство криминогенных ситуаций в семье имеют сходный сценарий своего развития - это типичные ситуации домашнего насилия, носящие длящийся характер с тенденцией к эскалации насилия, часто связанные с виктимным поведением потерпевшего. Тем не менее встречаются нетипичные ситуации. Во-первых, ситуации остро возникшего конфликта, спровоцированные экзогенными по отношению к семье агентами (крах карьеры, потеря работы и т.п.); во-вторых, объективно нейтральные ситуации, обусловленные эндогенными личностными особенностями (при обострении психических заболеваний, неврологических расстройствах). Так или иначе, ситуационный фактор должен подлежать обязательному учету при индивидуализации наказания в случаях, предусмотренных законом, а

¹ Тернер Дж. Структура современной социологической теории. – М., 2015. – С.288.

также не может оставаться без внимания в процессе совершенствования законодательства.

Резюмируя сказанное в первой главе, отметим, что виктимологические характеристики потерпевшего от насилия в семье играют важную роль в решении ряда правовых вопросов, связанных с привлечением виновного к уголовной ответственности, выборе средств восстановления нарушенных прав и законных интересов потерпевших, а также в профилактике их повторной виктимизации. Четкое определение структуры межличностного семейного общения и адекватный статистический учет криминологически значимых характеристик жертв жестокого обращения выступают необходимыми предпосылками для выстраивания системы мер противодействия насилию в семье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время виктимологические проблемы преступлений против семьи и несовершеннолетних привлекают пристальное внимание государства и общества. Неблагоприятные экономические и социальные условия, кризис социальной инфраструктуры, демографический спад, нестабильность производственных и трудовых отношений оказывают негативные последствия особенно на институт семейной сферы. Нарастание напряженности, тревожности и стрессов у людей, приводит к росту алкоголизации и наркотизации населения, что ведет к обострению внутрисемейных конфликтов и различным способам их разрешения.

Криминальное поведение взрослых членов семьи сказывается на формировании детской психики, что приводит к росту преступности в среде несовершеннолетних. Решающее влияние на правонарушающее негативное поведение несовершеннолетних, безусловно, оказывают родители, которые обязаны выполнять воспитательные функции, обеспечивать содержание и образование своих детей.

Изучение данной темы обусловлено также потребностями использования опыта профилактической деятельности, накопленного правоохранительными органами, государственными и общественными учреждениями.

Рост числа преступлений, совершаемых между членами семьи, детерминирован системой негативных криминологических факторов, приводит к ухудшению общей криминогенной ситуации в Российской Федерации,

Число жертв насильственных преступлений увеличивается, вызывает тревогу рост числа преступлений против семьи и несовершеннолетних, особенно со стороны родителей, которые уклоняются от содержания детей, и допускают жестокое обращение к малолетним.

Несмотря на то, что основную часть преступлений против семьи и несовершеннолетних составляют - злостные уклонения от содержания

несовершеннолетних детей, значительное место занимают преступления, связанные с вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления. В основе данного преступления находится конфликт внутри семьи, когда родители не занимаются воспитанием, не проявляют к детям элементарного внимания и заботы, подвергают детей жестокому обращению, выгоняют их из дома, а порой дети сами убегают из семьи, если им в ней плохо.

Причины и условия, преступлений против семьи и несовершеннолетних, порождены неравенством в возможности удовлетворения социальных потребностей, различиями интересов социальных слоев группы индивидов. Происходит подмена духовных ценностей материальными, снижается уровень образования, процветает пьянство, алкоголизм и наркомания, жестокость и агрессивность членов семьи и как следствие - совершение правонарушений и преступлений.

Перед субъектами системы предупреждения преступлений стоят такие неотложные задачи, как создание эффективной государственной системы охраны прав семьи и несовершеннолетних, профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; возможность полноценного социального обслуживания семьи, помощь отдельным менее защищенным членам семьи в кризисных ситуациях, когда они стали жертвами преступлений.

Негативные семейные отношения требуют применения комплекса криминогенной коррекции. Необходимо шире использовать общественные организации граждан, которые содействуют стабилизации социальной сферы в обществе и семье, своевременно воздействовать на негативные виктимологические факторы, порождаемые алкоголизмом, наркоманией и безработицей, оказывать консультативную юридическую помощь жертвам преступлений и тем, кто только оказался в кризисной ситуации.

Систему профилактики следует в максимальной степени ориентировать на происходящие в семейной сфере процессы, причем позитивные использовать для воздействия на антикриминогенные факторы. При

разработке программ противодействия преступности следует предусматривать разделы о предупреждении преступлений в семейной сфере и вниманию к жертвам преступлений.

Воздействие должно носить комплексный характер, с участием представителей различных специалистов, занятых проблемами семьи и несовершеннолетних. Для чего требуется их тесное и постоянное сотрудничество. Создание на региональном уровне ведомства, объединяющего усилия разнообразных субъектов профилактики и координирующего их деятельность, позволит разрешить эту задачу.

Взаимодействие и объединение усилий предоставит возможность получать более полную и необходимую информацию о положении в семейной сфере с учетом происходящих изменений, систематизировать ее и проводить под контролем целенаправленную работу, что будет способствовать совершенствованию нормативного регулирования криминологического воздействия на семью и несовершеннолетних.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Раздел 1 Нормативные правовые акты и иные официальные акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)// Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017)// Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 25. – Ст. 2954.

Раздел 2 Литература

4. Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. – М., 2014. – С. 226.
5. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия, контроль. –СПб., 2001. – С. 304-305.
6. Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1986. – № 1. – С. 10-13
7. Глухова А.А. Виктимологические факторы преступности: Дис.... канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 2009. – С.58.
8. Гриненко А. Потерпевший должен иметь не меньше процессуальных прав, чем обвиняемый // Российская юстиция. – 2012. – № 9. – С.51.
9. Иванченко С. Насилие в семье //Семья и школа. – 2016. – №2. – С.10.
10. Ильина Л.В. Уголовно- процессуальное значение виктимологии // Правоведение. – 1975. – № 3. – С. 119-123.

11. Ильяшенко А.Н. Агрессия в отношении несовершеннолетних и как детерминанта их преступного поведения. – М., 2013. – С. 1-2.
12. Ильяшенко А.Н. Противодействие насильственной преступности в семье: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Дис.... д-ра юрид. наук. – М., 2013. – С. 262-265.
13. Костыря Е.А. Внутрисемейное преступное поведение женщин в контексте проблем семейной криминологии: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2009. – С.93-96.
14. Кочеткова С.В. Опыт анализа насилия в семье // СОЦИС. – 2009. – № 12. – С. 116.
15. Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве / Под ред. И.С. Ноя. – Саратов, 1976. – С.44.
16. Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. - 2-е издание, перераб. и дол. М.: Юристъ, 2002. – С. 203
17. Лнтоян Ю.М. Понятие преступного поведения // Криминологические проблемы преступного поведения: Сб. науч. тр. – М., 2011. – С.5.
18. Максимов С.В., Ревин В.П. Насильственные преступления в сфере семейно-бытовых отношений и проблемы их профилактики: Учеб. пос. – М., 2013. – С.6-7.
19. Минская В.С. Отрицательное поведение потерпевшего - одна из категорий советской виктимологии // Советское государство и право. – 1980. – № 7. – С. 136.
20. Организационный вред в последнее время все чаще выделяется в качестве самостоятельного вида вреда (Тройская НЛО. Преступления в сфере оплаты труда и социальных выплат по уголовному законодательству РФ (ст. 1451 УК РФ): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2007. – С. 21.
21. Полубинский В. Когда виноват пострадавший // Человек и закон. – 2011. – №9. – С.80-81.

22. Разумов П.В. Преступность лиц пожилого и престарелого возраста (к постановке уголовно-правовых и криминологических проблем). – Ставрополь, 2013. – С.34.
23. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. – СПб.: Питер, 2012. – С. 57.
24. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. – СПб.: Питер, 2012. – С. 77.
25. Ривман Д.В. О некоторых понятиях криминальной виктимологии // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. – Иркутск, 2012. – С. 23.
26. Российская юридическая энциклопедия. – М.: Издательский Дом ИНФРА – М, 2009. – С. 409.
27. Российская юридическая энциклопедия. – М.: Издательский Дом ИНФРА – М, 1999. – С. 80.
28. Семейное право России: Учебное пособие / Под ред Ю.А. Королева. – М., 2009. – С.6.
29. Скурту И.Г. Виктимологические аспекты профилактики преступлений в отношении несовершеннолетних: Дис.... канд. юрид. наук. – СПб., 2012. – С.31.
30. Соболева С.Б. Виктимологические факторы в преступлениях против личности//Правоведение. – 2012. – №2. – С. 121 - 124.
31. Тернер Дж. Структура современной социологической теории. – М., 2015. – С.288.
32. Уголовное право России. Часть Общая. Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. Л.Л. Крутиков. – М., 2005. – С.142-144.
33. Фаргиев И. Оценка поведения потерпевшего - физического лица в уголовном законе и судебной практике // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С.72.
34. Фаргиев И.А. Уголовно-правовое значение личности и поведения потерпевшего: Дис.... канд. юрид. наук. – М., 2014. – С. 13 и далее.

35. Филановский И.Г. Влияние поведения потерпевшего на ответственность субъекта преступления // Советская юстиция. – 1972. – № 14. – С.52.
36. Франк Л.В. Виктимология и виктимность, – Душанбе, 1972; Ривман Д.В. Криминальная виктимология. – СПб.: Питер, 2012
37. Христенко В.Е. Психология поведения жертвы. Ростов-на-Дону, 2014. – С.50.
38. Центров Е.Е. Криминологическое учение о потерпевшем. - Изд-во московского университета. – 2011. – С. 46
39. Шестаков Д.А. Семейная криминология: семья - конфликт - преступление. – СПб., 2012. – С.60.
40. Шестаков Д.А. Семейная криминология: семья - конфликт - преступление. – СПб., 2012. – С.103.
41. Шестаков Д.А. Супружеское убийство как общественная проблема. – СПб., 2012. – С.7.
42. Шестаков Д.А. Супружеское убийство как общественная проблема. – СПб., 2012. – С.7.
43. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. – СПб., 2009. – С. 190.
44. Яни П.С. Законодательное определение потерпевшего от преступления II Российская юстиция. – 2015. – № 4. – С.40.

Раздел 3 Постановления высших судебных инстанций и материалы судебной практики

45. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 5.
46. Постановление Пленума Верховного Суда РФ "О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в

уголовном судопроизводстве" от 30.06.2015 № 29 // Бюллетень
Верховного Суда РФ. – 2015. – № 9.

Раздел 4 Internet-источники

47. Анощенко С.В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем.
[Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://nenuda.ru/анощенкова-с-в-уголовно-правовое-учение-о-потерпевшем.html>
48. Жуков В. Общественно опасные последствия преступлений.
[Электронный ресурс].– Режим доступа:
<http://krom.efactory.ru/?article=1560>.